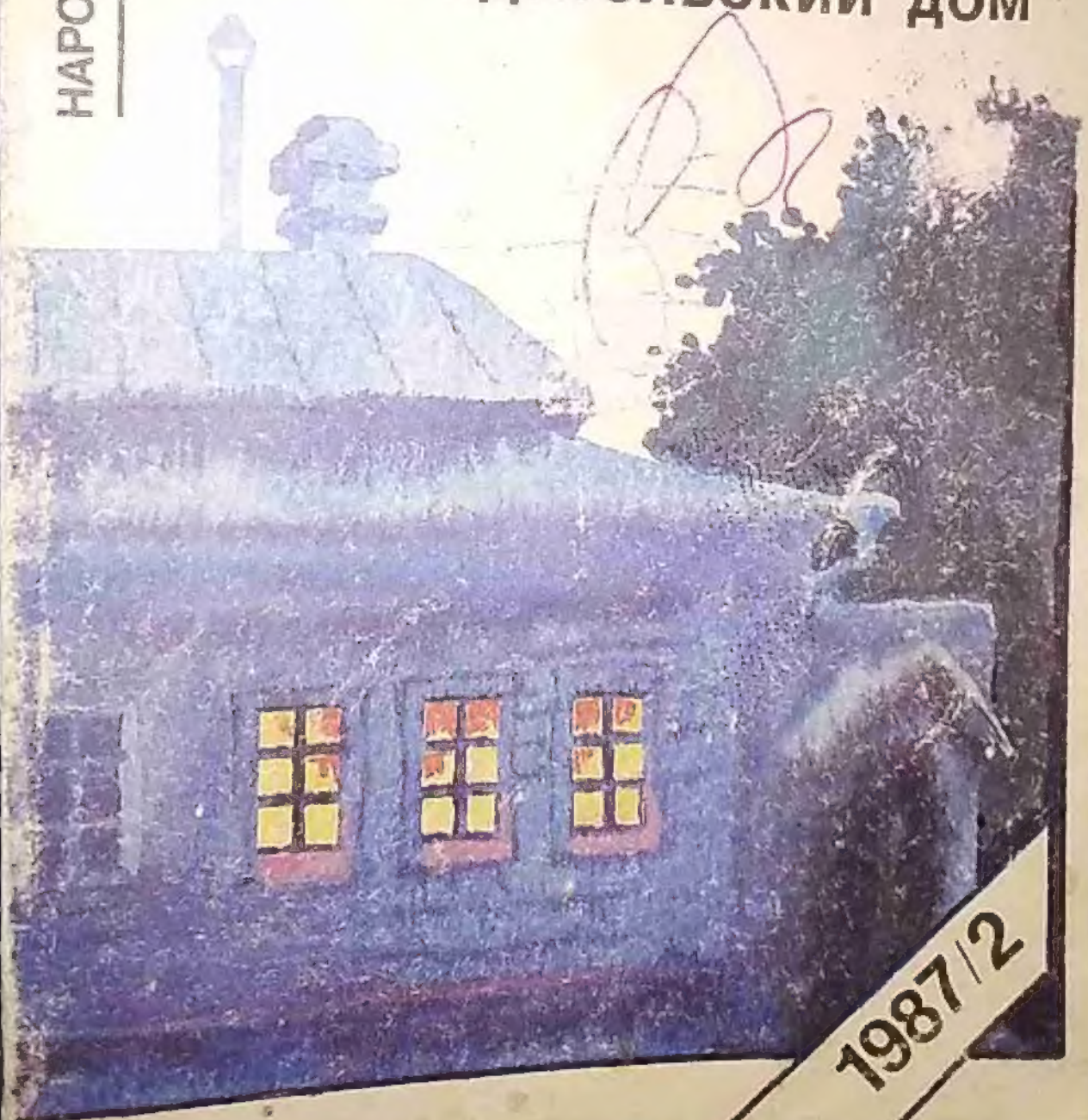
НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Издательство «Знание»

Педагогический
ФАКУЛЬТЕТ

Т. А. Александрова

Родительский дом



1987/2

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Издательство «Знание»

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Издается ежемесячно с 1964 г.

1987/2

Т. А. Александрова

Родительский дом

Москва 1987

ББК 74.900.6
А46

Автор: АЛЕКСАНДРОВА Тамара Алексеевна — журналист, выступает в печати по проблемам семейного воспитания.

Рецензенты: З. Апресян — кандидат философских наук, главный редактор журнала «Молодой коммунист»; А. Щербакова — старший научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС.

Редактор Свердлова О. Г.

Александрова Т. А.

А46 Родительский дом. — М.: Знание, 1987. — 96 с. — (Нар. ун-т. Пед. фак.; № 2).

15 к.

Известно, какой яркой, незаурядной личностью была мать В. И. Ленина. Умна, образованна. Чутка к музыке, языкам. Вероятно, во многом могла бы проявить себя Мария Александровна Ульянова — проявилась в материнстве, испытав высшее его счастье — нерасторжимость духовной связи с детьми. Взрослея, дети часто отдаляются от родителей, даже если не угасает в душе нежность, благодарность. А она до последних дней своих была им нравственной поддержкой и опорой. Почему с самого раннего детства слышали они каждое ее слово? Почему смогла она стать для них непререкаемым авторитетом? Об этом размышляет автор книги.

Книжка адресована родителям, учителям, воспитателям.

А $\frac{4311000000\text{-}042}{073(02)\text{-}87}$ 53-87

ББК 74.900.6

© Издательство «Знание», 1987 г.

Дом, семья Ульяновых. О семье, давшей миру Ленина, воспитавшей пятерых революционеров, написано немало книг.

С детства входят в нашу жизнь рассказы о бойком непоседливом мальчике Володе Ульянове, который при всей своей шаловливости рос на редкость трудолюбивым и правдивым человеком. О мальчике, который потом не вдруг стал гением. «Гениальность не появляется внезапно, как болезнь...» — справедливо заметит через много лет после детства его младшая сестра. Ученик Симбирской классической гимназии Владимир Ульянов с первого класса поражал преподавателей и недюжинными способностями, и удивительным прилежанием.

Рассказы о доме на Московской улице далекого Симбирска, далекого пока по времени, потому как позже — подрастая, взрослея — мы постигнем явление и понятие «провинция». О Володином отце, Илье Николаевиче Ульянове, который не жалел времени и сил, заботясь о том, чтобы дети простых крестьян могли учиться, открывал для них школы... О Володиной матери, Марии Александровне, доброй и строгой: так умела сказать свое слово, что дети беспрекословно ему следовали... О двух его братьях и трех сестрах.

Фотография семьи — единственная, где все Ульяновы вместе, — нам тоже хорошо знакома. Наверное,

фотограф долго размещал их — семья немаленькая. В центре за столиком сидят отец и мать — Илья Николаевич и Мария Александровна. На коленях у нее Маняша, самая младшая, а к плечу прижалась Оля в нарядном платьице с оборкой. Справа и слева от отца, положив ему на плечи руки, старшие — Аня и Саша. У его ног примостились Володя — он уже в гимназической форме с блестящими пуговицами — и маленький Митя. Надо отдать должное неизвестному симбирскому мастеру — он замечательно справился со своим делом. И даже досадно, что не мог почувствовать — не по его вине неведение — всей исторической важности момента, не мог предположить, что очередной его снимок останется на века, обойдет весь мир: столь велик будет интерес к лобастому мальчику, облокотившемуся на колено отца.

От детских книг о Володе Ульянове мы идем к книгам взрослым. Сочинения В. И. Ленина — начинаем изучать их в старших классах школы, — биография вождя пролетарской революции. Он вырос в русской интеллигентной семье. А само словосочетание «русская интеллигенция» история связала в нашем сознании с высотой нравственных идеалов. И семья из Поволжья, из российской глубинки — ее устои, ее уклад, принципы, по которым жили, растили детей, — стала частью нашего нравственного наследия, наследия, доступного каждому.

Остановимся перед библиотечной полкой. Первоисточники: воспоминания самих Ульяновых — Анны Ильиничны, Марии Ильиничны, Дмитрия Ильича, — воспоминания родных, близких, друзей, знакомых, собранные вместе документы разных лет, том семейной переписки — первозданность оживших дней, оживших забот, радостей, тревог. Обращаясь к этим книгам на протяжении всей своей жизни, мы по-разному их читаем. Меняет угол зрения собственный накопленный опыт, время, его проблемы. И всякий раз находим в них ответы на вопросы, волнующие сегодня, сейчас. В юности они заставляют нас задуматься о человеческих возможностях, об огромной емкости дней и часов, об ответственности за пустое их растранжиривание, о целеустремленности. В зрелости, когда подрастают собственные де-

ти, когда мы ищем рецепты воспитания настоящего человека или панацеи от всех ошибок и бед, они побуждают нас к размышлению о другом — что есть педагогический талант, истинное материнство, истинное отцовство.

Предлагаемые заметки не претендуют на подробное описание жизни Ульяновых той поры, когда все дети были под родительским крылом, ни на скрупулезный, всесторонний разбор процесса семейного воспитания. Хотелось передать хоть немного сам дух Ульяновского дома: его ощущение заставляет вновь и вновь пережить притягательность таких человеческих начал (элементарных, но легко ли усваиваемых?), как честность, честь, добро, искренность, достоинство, уважение к людям, обостренное чувство гражданственности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из истории мы так хорошо знаем этот апрельский день, что, кажется, сами видели запруженную народом привокзальную площадь, развернутые Красные знамена в отсвете факелов, прожекторов, перрон Финляндского вокзала Петрограда и медленно подходящий поезд.

Кронштадтские моряки взяли на караул, грянул оркестр. В звуках революционной «Марсельезы» — ничто не в силах их теперь заглушить — звучало настроение поднявшейся, бурлящей России.

На площади Владимира Ильича встретило несмолкаемое «Ура!». Ленин поднялся на броневик, и он приветствовал пролетариат России и солдатские массы, которые совершили победоносную революцию против царизма. Броневик двинулся по петроградским улицам. «Вся толпа массою пошла за мотором, — как было написано в отчете «Правды», — до дворца Кшесинской, где митинг и продолжался». Несколько раз за эту ночь Ленин будет говорить с балкона перед вновь прибывающими делегациями рабочих, солдат и матросов. И здесь же, во дворце, где разместились Центральный и Петроградский Комитеты большевиков, встреча с друзьями, соратниками, товарищами по партии. Полуторачасовая речь о

текущем моменте, обсуждение насущных вопросов...

Только под утро Владимир Ильич с Надеждой Константиновной пришли на Широкую улицу, в большой дом, где снимали квартиру Анна Ильинична и ее муж, Марк Тимофеевич Елизаров. Начинался первый день на Родине. Как проведет его Ленин?

Совещание с руководящими работниками большевистской партии, доклад в Таврическом дворце на собрании большевиков, участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов — исторические «Апрельские тезисы»: задачи революционного пролетариата. Подготовка тезисов к печати, к отправке в «Правду» — о них скорее должна узнать революционная Россия: в сложный момент революции необходим единый твердый курс. И вторично он выступал в Таврическом с докладом — уже на объединенном заседании большевиков и меньшевиков, участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Вечером — заседание Исполнительного комитета Петроградского Совета...

И это все один день — время сжато железной пружиной безотлагательности. А стремительная хроника этого дня началась с тихого слова «посещает». Посещает Волково кладбище. Не мог не прийти сюда, не поклониться могилам матери и сестры.

Так ждала мать его возвращения! Долгие годы ждала. Оставались месяцы — не дождалась. Читала, перечитывала, хранила — сохранила для нас — одно из последних его писем к ней. Россия знала несгибаемого революционера, она — нежного сына.

«Дорогая мамочка!..

Мы живем теперь в Цюрихе. Приехали позаниматься в здешних библиотеках. Озеро здесь нам очень нравится, а библиотеки много лучше бернских, так что пробудем еще, пожалуй, дольше, чем хотели...

Надеюсь, у вас нет уже больших холодов и ты не зябнешь в холодной квартире? Желаю, чтобы поскорее было тепло и ты отдохнула от зимы.

Надя очень всем кланяется. Крепко тебя целую, моя дорогая, и желаю здоровья...

Твой В. У.»

Она тоже надеялась в свое последнее лето отдохнуть от зимы, от сырости, от каменного города. Весной радовалась каждому солнечному дню и распускающимся деревьям, мечтала поскорее переехать на дачу, которую сняли в Больших Юкках, — она так любила природу! — да май выдался не очень теплым, не спешило северное лето. Наконец собрали вещи...

Мы мало знаем о себе наперед, и Мария Александровна не знала, что не вернется больше в Питер, в квартиру на Широкой, квартиру-корабль: по обе стороны узкого коридора — двери в комнаты, которые напоминают каюты, а в конце — треугольная столовая с балконом, похожая на корабельный салон, Анна Ильинична так и называла ее в шутку «рубка-салон».

Через несколько месяцев сюда вошел ее сын. Сестры рассказывали о последних ее днях, о том, как незадолго до своей смерти она сказала: «Если бы можно было проснуться через несколько десятков лет и посмотреть, что будет тогда на земле, как будут жить тогда люди». Не предполагала, и дочери не предполагали, что до революции осталось совсем немного, не думали, что все произойдет в феврале. Какой бы радостью было для нее видеть долгожданную свободу, за которую боролись ее дети. И потом, в октябрьские дни семнадцатого года, вспомнят они снова, грустя и сожалея, ее слова. Вспомнят и другую мать, Елизавету Васильевну Крупскую, разделившую с дочерью и зятем немало невзгод их жизни: И только однажды, в тревожные дни июля и августа, когда жизнь Ленина была в опасности, когда ищейки Временного правительства шли по следу, когда в квартиру на Широкой врывались юнкера и солдаты под предводительством офицеров контрразведки (дабы арестовать «немецкого шпиона»), забывшая, что такое минутный покой, Надежда Константиновна обронит: «А, пожалуй, хорошо, что наши старушки не дожили до этого.— как-то перенесли бы они эти волнения. Не под силу было бы им это».

...Ленину и Крупской отвели комнату Марии Александровны. У окна небольшой письменный стол с лампой, простые стулья, в углу кресло с мягкими подлокотниками — на всем лежала печать строгого материн-

ского порядка, нелюбви к лишним вещам. И когда они остались одни, когда Владимир Ильич обвел глазами комнату, то наконец почувствовалась, по словам Надежды Константиновны, реальность того факта, что они уже в Питере, что все эти Парижи, Женевы, Берны, Цюрихи — это уже действительно прошлое. Материнский дом. Родина.

Многое невозвратимо уходит из жизни с потерей матери. Не будет больше ее заботы, понимающих глаз, вечного ее стремления быть рядом в трудностях.

С ним, семнадцатилетним студентом, впрочем, уже не студентом: исключен из Казанского университета за участие в «беспорядках» как один из главных зачинщиков — отправилась в первую его ссылку в Кокушкино, где уже жила старшая сестра Анна, которой пятилетний гласный надзор в Сибири был заменен высылкой в эту деревню. Зимним морозным вечером он уезжал из Казани. Маленькую кибитку с бубенчиками заносило, потряхивало на колдобинах заснеженных улиц, и девятилетняя сестренка Маняша, прижавшись к нему, с любопытством поглядывала на катившего следом за ними в санках полицейского чина. Он сопровождал высылаемого до городской черты.

Позднее мать готова была отправиться к нему в Сибирь. Хлопотала — сколько же сил уходило у нее на все эти хлопоты, но ведь не жаловалась никогда! — чтобы позволили ему ехать в Сибирь не этапом, а на свой счет: слышала, что легче пережить ссылку, чем этап.

После тюрьмы ему разрешили задержаться на три дня в Петербурге для устройства личных дел. Три дня свободы после более чем четырнадцатимесячного заключения! Успел встретиться с членами петербургского «Союза борьбы», провести совещание. Сфотографироваться с товарищами, которые, как и он, отправлялись в ссылку.

В Москве — путь в Сибирь лежал через Москву — мать не хотела проститься с ним на вокзале и провожала до Тулы: хоть толику его дальнего пути проехать рядом.

Как в сущности мало они прожили вместе. Сначала петербургское житье вдали от нее, потом тюрьма, ссылка. В месяцы между возвращением из Шушенского и

эмиграции
а она ник
ния к себ
того чувст
Только
сколько дн
Нижнего Н
Кама, Бела
жестью. Во
в каюту, а
говоры сре
Он не р
шие средь
знакомств с
от слежки и
из Лондона
мы великол
1900 года!»
А ведь з
стоялась тож
ко после тог
департамент
на, ему позв
шенского отб
Летом 19
шись, приеха
чу назначили
полуострове
чудливо изре
прибыл сюда
«Искра», уста
Париж — тож
отдаться отды
дальних прогу
сестра. Белые
любил, разгов
ришься.
Не было дл
то приятное де
вольствие вдво
ве и потом. То

эмиграцией встречи урывками: он подчинен был делу, а она никогда не требовала от детей особого внимания к себе — особых знаков, особого времени. И без того чувствовала их любовь к себе и привязанность.

Только во время поездки в Уфу они провели несколько дней не разлучаясь. По железной дороге — до Нижнего Новгорода, а там пересели на пароход. Волга, Кама, Белая... Воздух, напоенный речной и лесной свежестью. Все дни на палубе. Утомленная мать спускалась в каюту, а Владимир Ильич с сестрой до ночи вели разговоры средь затихшей реки, уснувших берегов.

Он не раз вспоминал потом эти светлые дни, выпавшие средь напряжения организационных дел, встреч, знакомств с социал-демократами разных городов, ухода от слежки и, скучая по Родине, по Волге, писал матери из Лондона в Самару: «Хорошо бы летом на Волгу! Как мы великолепно прокатились с тобой и Анютой весною 1900 года!»

А ведь эта поездка к Надежде Константиновне состоялась тоже благодаря материнским стараниям: только после того, как она съездила в Петербург и заверила департамент полиции, что сама будет сопровождать сына, ему позволили навестить жену, которая после Шушенского отбывала в Уфе оставшийся срок ссылки.

Летом 1902 года Мария Александровна, истосковавшись, приехала к нему на свидание во Францию. Встречу назначили в Логиви, в маленьком рыбачьем порту, на полуострове Бретань, на северном его побережье, причудливо изрезанном морским прибоем. Владимир Ильич прибыл сюда из Лондона, где в то время издавалась «Искра», уставшим от редакционной работы, заезжал в Париж — тоже были дела, — и в Логиви не мог целиком отдаться отдыху. И скорее всего, не позволил бы он себе дальних прогулок по берегу, если бы не мать и старшая сестра. Белые песчаные отмели, море, которое он очень любил, разговоры с родными — говоришь не наговоришься.

Не было для нее большей радости, как сделать что-то приятное детям. Чаще всего неожиданно, чтобы удовольствие вдвойне. Не счесть таких сюрпризов в детстве и потом. То посылка придет на чужбину, принеся за-

бываемые уже запахи, — волжская рыба, сладости; то вдруг — они жили тогда в Лозанне — уведомление из транспортного общества: куда прикажете доставить... Владимир Ильич решил было, что вернулась какая-нибудь нелегальщина — нелегальная литература — или кто-то прислал книги. Приносят, распаковывают — два прекрасных новеньких велосипеда, мужской и женский! Как выяснилось, Надежда Константиновна однажды обмолвилась в письме Марии Александровне, что Володя пристрастился к велосипедным прогулкам, да жаль, велосипедов нет своих, а мать приняла это близко к сердцу. И вот — коллективный подарок от родных.

Жила на вдовью пенсию — экономно, бережливо, но не размышляла о тратах, когда могла чем-то помочь детям или немного их побаловать, преодолевая при этом их сопротивление, их деликатность и щепетильность.

В 1910 году, в 75 лет (даже по нынешним меркам — солидный возраст, а по тогдашним — глубоко преклонный), отправилась на свидание к сыну в Стокгольм. Владимир Ильич жил в то время во Франции и в августе должен был приехать в Копенгаген на VIII конгресс II Интернационала. От Копенгагена до Стокгольма рукой по-

дать и от России добраться не очень сложно, вот и договорились свидеться там.

Он приехал первым, чтобы снять комнаты, встретить мать и младшую сестру. Поджидал на пристани опоздавший пароход «Буре», а когда он подчаливал, жадно всматривался в лица стоявших на палубе, и мать с сестрой, конечно же, отыскивали его глазами в толпе. Они стояли у самого барьера и вскоре увидели Владимира Ильича. Мария Александровна потом призналась, что не узнала бы его, если б Маруся не показала. Она вскрикнула от радости, когда увидела брата.

Мать нашла сына похудевшим, изменившимся, но он, как всегда, уверял, что чувствует себя очень хорошо, хотя, наверное, и похудел, и изменился: только что в Копенгагене держал очень нелегкий бой против оппортунистического засилья в русской секции конгресса.

У нее было замечательное настроение в Стокгольме. Город понравился, понравились его парки, скверы. В одном из парков с удовольствием слушала музыку. Гуляла — побывала в Зоологическом саду, в музее. Ходила по магазинам, как обычно думая: чем побаловать дочерей, что купить Анечке, что Маняше. Сообщала старшей дочери: «Изящного здесь много»... Будучи рукодельницей, соблазнилась красивым шитьем...

Сентябрьский Стокгольм — один из праздников ее жизни. Обычно новые впечатления отключают человека — да еще с таким жадным интересом к жизни, какой был до последних дней у Марии Александровны, — от всех забот и волнений. Сын, к которому так рвалась, — рядом. О чем еще мечтать? Можно, кажется, забыть до возвращения о доме, а мать... Уставшая, присаживается к столу — за письма. Как там ее Анечка в Териоках, как там ее муж Марк поживает в Омске, не было ли весточки от Мити и его жены Тони? Всем надо написать. Сердце — на части: беспокойно за оставшихся в России и с Володей очень хочется побыть подольше.

А сын неизменен. Смолоду, с юности уже умел, переезжая с места на место, не прекращать своей работы По дороге в Сибирь ему разрешили встретиться в Москве с родными. Он задержался на два лишних дня сверх разрешенных полицией и большую часть времени про-

вел в библиотеке Румянцевского музея. Невозможно было оторваться от необходимых книг, да полицейские чины потребовали немедленно выехать из города, иначе — арест. Остановившись в Красноярске в ожидании навигации, чтобы следовать дальше в Минусинский уезд, он занимается в библиотеке купца Юдина, отмеривая для этого ежедневно по пять верст пешком.

И здесь, в Стокгольме, многие часы отдает Королевской библиотеке, выступает перед социал-демократами. Мать была на одном из его выступлений — на собрании большевистской группы. Внимательно слушала. Она всегда отличалась сдержанностью, но тут изменившееся лицо ее выдавало такое волнение, что сидевшей рядом Марии Ильиничне показалось: она вспоминает сейчас другую речь, речь старшего сына Александра на суде, которую ей тоже довелось слышать. И потом Мария Александровна все никак не могла успокоиться, отойти от пережитого: «Он хорошо говорил, так сильно и красноречиво, только зачем он так сильно напрягается, так громко говорит — это ведь так вредно. Не бережет он себя!»

Охранительная потребность материнства — от всего защитить, от всего уберечь — никогда не ослабевала в Марии Александровне.

Приближалось прощание. Снова Стокгольмский порт. Владимир Ильич стоит внизу на пристани, а сестра и мать поднимаются по трапу. Он лишен возможности им помочь, проводить до каюты: если ступить на палубу парохода, принадлежащего русской компании, его могут арестовать. Все выше, все дальше от него фигурка матери в неизменном темном платье с белым воротником. Маленькая, тоненькая, легкая — в чем держатся несгибаемая воля, сильный дух? Не только она стремилась быть в трудную минуту рядом с детьми, но и им хотелось к ней прислониться. Одно ее присутствие придавало сил. Если она бывала далеко — за сотни, за тысячи километров, всегда выстраивался прочный мостик из ласки, из слов.

«Приходится сообщить тебе, дорогая мамочка, очень грустную новость...» — это сын пишет из ссылки о смерти своего товарища по борьбе. «На этой неделе полу-

чил я очс
ка, и шлю
должно б
тери.

Он вер
нет. То п
всегда. И
ной крыше
или кровн
ном единс

ДОМ

Слово «
чениях. До
мые палочк
построить
ра, воздух
объединишь
хой». Бывае
беги.

Места п
вой, адреса,
ского, из М
с глубокой
мамочка», —
менялись о
который она
ток о пропи
ков вошло в
мя, ну, да это
Почерк четки
петель крыль
щими. И сам
поднимают не
сию, то к сам
в ссылку: «Ка
ности, но я наг
ная Вологда,
Кочуя, обр
кладывать ве

чил я очень много интересного из дому, дорогая мамочка, и шлю большое спасибо за все», — это тоже он. Как, должно быть, грела такая близость дома, близость матери.

Он вернулся наконец на Родину из изгнания, а матери нет. То прощание в Стокгольме было прощанием навсегда. И все-таки домой он вернулся, домой: под одной крышей с ним Анна, Мария. Да разве в крыше дело или кровном родстве? Скорее, в нерасторжимом духовном единстве, любви, бережном отношении друг к другу.

ДОМ

Слово «дом» мы чаще всего употребляем в двух значениях. Дом — жилье. Можно нарисовать — две прямые палочки, две наклонные пересекающиеся, — можно построить руками. И дом нерукотворный — атмосфера, воздух жизни семьи. Нередко эти понятия никак не объединишь одним общим эпитетом «хороший» или «плохой». Бывает, стены и крыша прекрасны, а из дома хоть беги.

Места проживания Марии Александровны Ульяновой, адреса, по которым находили ее письма из Шушенского, из Мюнхена, из Праги, Парижа, Цюриха, письма с глубокой нежностью сквозь сдержанность «Дорогая мамочка», — с торопливо-лаконичным — «Твой В. У.», менялись очень часто. В сохранившемся ее паспорте, который она получила уже в 60 лет, более сорока отметок о прописке. Сколько российских городов и городков вошло в ее жизнь! «Кочую я все это последнее время, ну, да это все пустяки...» — сообщает сыну в Женеву. Почерк четкий, красивый, от длинных петель «у» и «д», петель крыльев — вверх, вниз — строки кажутся летящими. И сама она как перелетная птица. Только в путь поднимают не времена года. То к Мите рвется в Феодосию, то к самой младшей своей Марусеньке в Вологду, в ссылку: «Как ни красивы здесь море, природа, окрестности, но я нагляделась на все это, и не пугает меня скромная Вологда, напротив, так и поскакала бы туда...»

Кочуя, обрела способность быстро складывать и раскладывать вещи, быстро наводить строгий порядок,

уют — без затей, но с чистотой до блеска — и снова все в корзины, в картонки. В путь.

Но дом ее, дом — творение души, оставался неизменным. Неизменными были в нем чувство защищенности, умение понять друг друга без слов. Она, видимо, хорошо знала, как прибавляет это сил, поэтому и летела всегда к тому, кому было особенно трудно. Дом Ульяновых был там, где была она: здесь связывались ниточки, идущие от всех ее детей.

Наверное, кому-то одному в семье выпадает роль главного творца дома. У Ульяновых она выпала матери. Именно ее видишь главой дома, читая и перечитывая воспоминания членов семьи, близких друзей, письма. Но при этом нисколько не затеняется личность отца, его влияние на весь уклад семьи, на детей. Известно, например, как горячо запротестовала Анна Ильинична, когда прочла публикацию «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета», появившуюся в «Симбирских губернских ведомостях» в мае 1894 года. Автор ее, В. Н. Назарьев, рассказывал об И. Н. Ульянове — деятеле, его преданности народному образованию, его неутомимости и самоотверженности и как бы к слову — об Ульянове-отце, которого не хватало и не могло хватить на своих собственных детей.

Надо сказать, что автор, Валериан Никанорович Назарьев, помещик-либерал, публицист, сторонник начинаний Ильи Николаевича по открытию народных училищ, его добрый приятель, с симпатией и восторгом нарисовал человека, целиком поглощенного работой. Именно потому он не знал, что делалось в семье, как велось домашнее хозяйство — все взяла на себя заботливая, деятельная жена, — откуда явился новый вицмундир на место пришедшего в негодность старого, каким образом в карман попадал носовой платок, как и чем занимались дети...

Не знал, как и чем занимались дети? Неправда! Анна Ильинична, выразив мемуаристу признательность за верную оценку общественной деятельности отца, которая в ту пору у многих была на памяти, за все добрые слова, дает ему довольно резкую отповедь в той же газете за неточность. Она пишет, что Назарьев редко бывал у них

доме, мал
его отнош
воречии:
допустить,
ние собств
мени удел
ше приход
неутомимо
под его «г
Этот от
ни Владим
глубинный
протеста А
так взволно
отца. За эт
скую невоспр
ненного в п
мейство пре
неблагонаде
делом брата
вывали и ссы
зором полиц
И это де
ченного выс
написать, что
нова не остав
И возникал п
текст — кто
правдой отеч
ком дорогие
тому и восста
вать отца от
свое дело, сво
в семье — «...
Утверждение,
подтексту.
В строках с
зор», за настав
ловеку в зрел
зывают детей
и готовности л

доме, мало видел Илью Николаевича в семье, мало знал его отношение к детям. Ловит автора на явном противоречии: нарисовать горячего и верующего педагога и допустить, что он мог оставить без внимания воспитание собственных детей?!! Да, сравнительно немного времени уделял сверх меры занятой отец семье, и тем больше приходится удивляться, отмечает дочь, его энергии и неутомимости, потому как воспитание детей проходило под его «главным и неусыпным надзором».

Этот ответ не обошли вниманием исследователи жизни Владимира Ильича, жизни семьи Ульяновых, вскрыв глубинный смысл и назарьевской позиции и страстного протеста Анны Ильиничны. Не одна лишь полуправда так взволновала ее. Восемь лет прошло после смерти отца. За это время семья пережила еще одну трагическую невосполнимую утрату — казнь Александра, обвиненного в подготовке покушения на царя. Уважаемое семейство превратилось во мнении властей и обывателей в неблагонадежное. Сама Анна была арестована в связи с делом брата, сидела в тюрьме, отбывала ссылку. Арестовывали и ссылали Владимира. Они оба теперь под надзором полиции.

И это дети известного просветителя, деятеля, отмеченного высокими наградами?! Назарьеву удобно было написать, что у поглощенного неустанным трудом Ульянова не оставалось ни сил, ни времени ни на что другое. И возникал прозрачный, не безобидный для семьи подтекст — кто захочет, тот прочтет: отец служил верой и правдой отечеству, дети не по его стопам пошли... Слишком дорогие принципы попирала эта «неточность», потому и восстает старшая дочь против попытки отмежевать отца от детей. Он, именно он, человек, любящий свое дело, свой народ, не мог не направлять воспитания в семье — «...под его главным и неусыпным надзором». Утверждение, прямо противоположное назарьевскому подтексту.

В строках старшей дочери та благодарность за «надзор», за наставничество, которая обычно приходит к человеку в зрелые годы, а в детстве другие чувства связывают детей с отцом — потребность в защите, любви и готовности любить. Наверное, все это тоже включило

в себя строгое слово «надзор». Ведь в памяти взрослых детей Ильи Николаевича сохранилось так много часов редкого, безмятежного счастья, часов, проведенных рядом с ним! Не забыты его жизнерадостность и заразительный смех, его непосредственность. Мечта любого мальчишки посостязаться с отцом, помериться силой и ловкостью, поймать удовольствие в его глазах от игры, ощутить, что он не снисходит до детских забав, а увлечен до самозабвения...

Щелк, щелк — удары деревянных молотков о деревянные шары. Во дворе дома на Московской игра в крокет. На площадке все дети, кроме разве что самой младшей — Мани, их друзья, а с ними сам глава семьи, солидный человек, действительный статский советник Ульянов. «Отправим-ка мы его в уезд», — смеясь, бьет он по шару. И дети с готовностью подхватывают шутливый тон, кричат в азарте, явно подражая отцу, его служебному лексикону: «Угнать этот шар подальше в губернию!»

Летом, обычно ближе к вечеру, немец спешит с сыновьями на Свиягу, в купальню Рузского, где Ульяновы абонируют определенные часы. Увидев гимназического преподавателя немецкого языка, направляющегося в общественную купальню Коха, Илья Николаевич приветствует его издали: «Немец идет к немцу, а русский к Рузскому». Любит он шутить, каламбурить.

Вроде бы совсем ничего не значащие минуты: ничего не происходит, просто течет жизнь. Но почему они навсегда остались в памяти детей? Почему они возвращались к ним, став взрослыми, пожилыми, в напряжении дней и событий? И сегодня ощущаешь свет этих минут в их строках об отце.

Чаще всего мы, родители, не отдаем отчета в том, что значит для детей наше хорошее беззаботное настроение, когда мы отключены от всего и, главное, от процесса воспитания — не опекаем, не наставляем, не одергиваем, не изрекаем мудрых сентенций, поправляя действительные или воображаемые очки, не сообщаем никакой ценной информации, рекомендуя запомнить на всю жизнь. Дурачимся, шутим и готовы принять такой же шутливый тон детей. Сокращаем дистанцию до предела... Но постойте, педагогично ли это? Не помешаем ли по-

том, когда
слово? Навер
отзвук в душ
минуты — ис
вдруг разгляд
им эти минуты
жения — если
гие чтят, хоро
стою?

Каким надо
тей вот такую
старших, прока
удовольствием
ров. Всегда ли
как чувствуется
мя этих путеше
баловал нас осе
времени неко
предусмотрите
способна. И, до
ки эти всегда е

Немного сво
месяцы, отведе
кон веку для от
съездам — с нег
бернии. А осень
ма — до ночи л
дни подготовки
ки по губернии.
тые дороги, грязь
очень подолгу от
как, возвращаясь
вый взгляд на ве
шубы? — и как
У Ильи Николаеви
прогулок в Кокуш
брал с собой пле
промерзший, что,
вращался в теплый
док. Самовар на ст
рядом.

том, когда потребуется сказать твердое родительское слово? Наверное, педагогично все, что находит добрый отзвук в душе. Дети открыты, повернуты к нам в такие минуты — искренность в ответ на искренность, многое вдруг разглядишь в них, поймешь. И еще: очень важны им эти минуты для чувства уверенности в себе, самоуважения — если отцу, взрослому человеку, которого многие чтят, хорошо и интересно со мной, значит, я чего-то стою?

Каким надо быть отцом, чтобы оставить в душах детей вот такую нежность: «В летние вакации... брал нас, старших, прокатиться по Волге, что было лучшим нашим удовольствием и предметом далеких планов и разговоров. Всегда любящий и добрый — слишком добрый, как чувствуется теперь, в более зрелые годы, — во время этих путешествий он бывал особенно заботлив о нас, баловал нас особенно. У меня остались в памяти от того времени некоторые мелочи, полные такой тонкой предусмотрительности, на какую не всякая мать была бы способна. И, доставляя нам массу удовольствия, поездки эти всегда еще теснее сближали нас с ним».

Немного свободного времени у отца. Даже летом, в месяцы, отведенные, положенные просвещенцам испокон веку для отдыха, он много сил отдает учительским съездам — с него они начались и пошли в Симбирской губернии. А осенью, зимой, весной... Служба, работа дома — до ночи лампа не гаснет в кабинете, особенно в дни подготовки годовых отчетов, — бесконечные поездки по губернии. Дальние уезды, глухие деревни, размытые дороги, грязные холодные постоялые дворы. Порой очень подолгу отсутствовал отец, и можно представить, как, возвращаясь из гимназии, дети бросали нетерпеливый взгляд на вешалку в прихожей — нет ли отцовской шубы? — и как волновалась Мария Александровна. У Ильи Николаевича были слабые легкие, даже во время прогулок в Кокушкине она всегда настаивала, чтобы он брал с собой плед. А тут... Иногда возвращался такой промерзший, что, казалось, не отогреется никогда. Возвращался в теплый дом, в привычный милый ему порядок. Самовар на столе в столовой, сейчас они сядут все рядом.

Да, все это держалось на жене — хозяйство, дом, весь его порядок и распорядок в нем.

Не была Мария Александровна, человек волевой и сильный, ни властителем, ни правителем, ни подчиняющим началом. Скорее, она сама с радостью подчинила себя мужу, его интересам, его делу, его педагогическим идеям, которые он стремился воплотить в жизнь, понимала их, разделяла и старалась взять на себя хоть часть тяжкой ноши инспектора, а затем директора народных училищ. Считала святым своим долгом проводить его так, чтобы был спокоен за дом, и ничем — ни жалобами на усталость, ни жалобами на детей — не омрачить его возвращения. Спешила поделиться тем, что порадовало в каждом из них за время его отсутствия, что приоткрылось. Все проблемы — потом. Они непременно их обсудят вместе.

Подчинилась детям, заботам о них: как они себя чувствуют, тепло ли оделись — на дворе непогода, — хорошо ли поели? Как похожи все матери всех времен в этих своих заботах! Не забывала проследить, чтоб после завтрака не выскакивали сразу на улицу, а посидели бы спокойно несколько минут, остыли. В гимназию успеют, времени достаточно.

С утра задавала она дому спокойный четкий настрой. По себе мы хорошо знаем: начнешь утро со спешки, и день считай наперекосяк — всюду будешь опаздывать, мало что успеешь. Знать-то знаем, да все никак не удается организованность сделать привычкой, благо и оправдание нынче всегда наготове: стремительные скорости века, суета больших городов. И дети вторят нам, повторяют наши слова, повторяют нас в неумении чувствовать длину минуты, длину часа. А кто-то рядом все успевает, как броней, защищен от суеты собственным ритмом.

Дети Ульяновых должны были перед уходом в гимназию прибрать все в своих комнатах, застелить постели — горничных в доме не имелось. Дом просыпался рано, и мать даже в этот ранний час была, как всегда, подтянута, в неизменном темном платье со свежим белым воротничком. Это ведь тоже из азбуки материнства.

И дальше от азбуки — передать все, что умеешь, име

ешь. Марии Александровне было что отдавать: умна, образованна, талантлива, добра, отзывчива на чужую боль. Но мало ли незаурядных людей, из которых получаются посредственные родители? Среди них встречаются даже хорошие педагоги. Казалось бы, столько чужих детей воспитали, даже трудных, случалось, перековывали, а вот благое стремление отдать, передать что-то своим оставалось бесплодным — свои почему-то ничего не берут, не принимают.

Ее сыновья и дочери приняли. Не в дидактике, не в назиданиях преуспела. В воспоминаниях ее детей ни слова нет о каких-то особых материнских поучениях — пишут про семью, про то, как жили и чем жили, как любили друг друга родители и дети. Дорогие им с мужем принципы Мария Александровна воплотила в доме — он воспитывал, весь его уклад.

Этот уклад и сегодня ощутишь в любом из ульяновских мемориальных музеев — в Казани, Кокушкине, в Куйбышеве, бывшей Самаре. Но пожалуй, лучше всего приоткрывается он в Ульяновске, бывшем Симбирске, в доме на улице Ленина, бывшей Московской.

Поселившись в Симбирске осенью 1869 года, Ульяновы не сразу смогли купить собственный дом. Когда приехали из Нижнего Новгорода, детей было двое — пятилетняя Аня и трехлетний Саша, — через полгода родился Володя, за ним Оля... Перебирались с одной наемной квартиры на другую, все надеясь поудобней разместиться — Стрелецкая, Московская, Покровская... Шесть переездов пережили за девять неполных лет. И наконец 2 августа 1878 года нотариус оформил купчую на имя Марии Александровны. Теперь своя крыша, свои стены, свой сад...

Высокие окна смотрят на Московскую. Войдешь во двор, обнаружишь, что у дома есть второй этаж — антресоли. Здесь отвели комнаты, вернее, комнатки, детям. По одной внутренней лестнице можно было подняться к Володе и Саше, по другой — к Ане и в детскую, где поселили младших. Летом с одной половины второго этажа на другую можно было перейти по балкону, который соединял Сашину и Анину комнаты. Внизу... Впрочем, вряд ли стоит подробно рассказывать. Каждый, наверно,

ное, даже тот, кому никогда не доводилось бывать в Ульяновске, многое хорошо знает в этом доме — по книгам, фотографиям, картинам, фильмам. Столовую, где все собирались к чаю, кабинет отца, мимо его открытой двери стремительно шагал наверх к себе вернувшийся из гимназии Володя, выпаливая на ходу: «Из греческого пять, из немецкого пять, из алгебры пять...», гостиную, комнату Марии Александровны, малоудобную, проходную. Видно, заботясь о муже, о детях, о себе вспоминала в последнюю очередь. А может, специально выбрала себе место поближе к кухне, поближе к детской, и двор тут у нее на виду и сад за ним.

— Музеи переносят нас из одного времени в другое. С сегодняшней улицы шагнешь в прошловековой дом, прошловековой быт. Прошловековые вещи вокруг. Даже солидное время не перевело их в разряд антикварных: настолько скромны. Простые венские стулья в столовой — у кого из наших бабушек не было таких? А до них стояли тут еще проще — складные, дубовые, ничем не крашенные и не покрытые лаком, которые сделали на заказ из большого бревна, оставшегося во дворе от прежних хозяев. Они оказались не очень удобными, вот и заменили их на венские.

Рационально и удобно, всем удобно — это, пожалуй, главные принципы, по которым сложился внешний облик дома.

В 1929 году, когда создавался мемориальный музей, Анна Ильинична подробно рассказывала сотрудникам, как выглядело все в доме. Память вела из комнаты в комнату, «оклеивала» темно-коричневыми обоями кабинет отца, «вешала» на стенку карту Симбирской губернии, на окна — суровые шторы на вздержках с фестонами, в гостиной расставляла мягкую мебель — два кресла, два мягких стула, угловой диванчик, обитые красным ситцем в разводах. Анна Ильинична вспомнила, что был тут еще и маленький круглый столик, покрытый филейной скатеркой — изящное, забытое нынче рукоделие. Большой черный рояль, над ним — бронзовое бра, резервуар лампы — белый, в цветочек. Еще — цветы, много цветов: пальма, фикус, филодендрон. А в общем и целом, отметила она, обстановка была «самая простая

какая вообще
руки; многое
Но можно
чинцем среди
лилась в собс
в действител
ский чин. По
вероятно, нем
ва. Страсть су
сандровна жи
мом, детьми,
мальных знако
ти, пустопорож
ние «обществ
Не в каждом
Ульяновых не в
тались демонст
гих, — не теш
мильными.

«...Серое пл
оно слишком па
га Оля, став сту
же сообщит, зн
все знать о дет
ряшливо никогд
щеткой и делак
сказали бы мы н
гие были заботы

Жили так, ка
можным, достой
гих, на многих. Н

Вспоминается
шла трансляция
зала, где обычно
ми, — академик
вопрос «Что такое
ное понятие... С
Злой может прит
интеллигентным
почему интеллиген
и злобу у неинтел

какая вообще часто встречалась у разночинцев средней руки; многое покупалось по случаю».

Но можно ли было считать Илью Николаевича разночинцем средней руки? К тому времени, как семья поселилась в собственном доме на Московской, он уже ходил в действительных статских советниках, а это генеральский чин. По чину ли подобная скромность? На сей счет, вероятно, немало судачили дамы симбирского общества. Страсть судачить подогревалась тем, что Мария Александровна жила довольно замкнуто. Поглощенная домом, детьми, не заводила не интересных для себя формальных знакомств, не любила скучных хождений в гости, пустопорожних разговоров. А подобное пренебрежение «обществом» не прощается, как и все непонятное. Не в каждом сознании могло уложиться, что вещи у Ульяновых не возводились в культ, с их помощью не пытались демонстрировать достаток — живем не хуже других, — не тешили тщеславия, и не стали эти черты фамильными.

«...Серое платье я... никогда не одеваю, потому что оно слишком парадно», — напишет матери из Петербурга Оля, став студенткой Бестужевских курсов, а чуть позже сообщит, зная, как стремится Мария Александровна все знать о детях: «Хотя я ношу черное платье, но неряшливо никогда не хожу, потому что всегда чищу его щеткой и делаю некоторые улучшения». Вещизма, как сказали бы мы нынче, семья была напрочь лишена. Другие были заботы, другим жили.

Жили так, как считали нужным и единственно возможным, достойным человека, не оглядываясь на других, на многих. Не всем дается такая независимость.

Вспоминается сейчас, как, выступая на телевидении — шла трансляция из Останкина, из знакомого нам всем зала, где обычно проходят встречи с интересными людьми, — академик Дмитрий Сергеевич Лихачев отвечал на вопрос «Что такое интеллигентность?». «Это очень трудное понятие... Скупой может притвориться щедрым. Злой может притвориться добряком. Но притвориться интеллигентным человеком нельзя, невозможно. Вот почему интеллигентный человек вызывает раздражение и злобу у неинтеллигентного».

Дом Ульяновых был настоящим интеллигентным домом.

И бережливая, расчетливая Мария Александровна считала каждую копейку, чтобы не лишить детей главного богатства.

В доме было много книг.

Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Некрасов... С ранних лет в жизнь детей входит русская поэзия. Слышат, запоминают стихи. Едва научившись читать, сами учат их наизусть. Красиво переписывают — в подарок отцу или матери ко дню рождения.

Всему свое время. Старшие спорят о Базарове, об Андрее Болконском и Пьере Безухове. Потрясены Достоевским, его «Записками из Мертвого дома». Заглянув к Саше или Ане, можно застать их за Салтыковым-Щедриным, за Чернышевским, за Писаревым. Средние увлечены Вальтером Скоттом, романом «Ивангое» («Айвенго», в нынешнем переводе), настольная книга у них «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу. До этих книг дойдут и младшие, которые пока больше всего любят сказки — Пушкина, Ершова... Так и поднимаются все друг за другом по ступеням физического и духовного роста.

Василий Андреевич Калашников, учитель симбирской чувашской школы, который готовил Володю в гимназию, а до него Анну и Александра, отмечал, что ученик его удивительно хорошо и сознательно читал и что это была семейная традиция — чтением руководили родители.

Книги Ульяновы брали и у знакомых, но больше всего — в Карамзинской библиотеке, где у Ильи Николаевича было три абонемента с залогом 15 рублей. Немаленькая сумма, если учесть, что его жалованье составляло 73 рубля 50 копеек в месяц. Не экономили на периодических изданиях, на журналах. «Отечественные записки», «Современник», «Исторический вестник»... Для детей выписывали «Детское чтение», «Детский сад»...

В доме любили читать вслух. Старинная забытая традиция русской интеллигенции. А ведь еще недавно, приехав куда-нибудь в Орел, в Кострому, можно было услышать рассказы пожилых людей о прекрасном времяпрепровождении, когда в гости ходили друг к другу на Толстого, на Гончарова, на Майкова... Застолье —

по-российски
дымящийся
да еще при
слова, и зре
конечно, и т
ное чтение
какую-то осо
ратура — са
которые шко
ков, не прочи
цитаты в уче
романы, когд
дискутировать
несостоявших
ные родители

Чтение в
знания, приче
витие — об эт
ме были геог
коллекции про

Первой учи
старших читать
ших. Учила язы
говорят по-не
объясниться, на
незаметно утве
ить, все в твои
мать выучила
основном благо
рию французск
читает Гюго, Гёт
на полке, — чит
ет свободное вр
это занятие. Неск
воде были даже
стопам пойдут до
янского, Ольга со

В доме рояль
ровны, не хотели
лась почти самос

по-российски как-то без застолья — гудящий самовар, дымящийся чай. Может, глупо тосковать по ушедшему, да еще при нынешней технике, при доставке на дом и слова, и зрелищ — включай радио, телевизор. Можно, конечно, и телевизор смотреть с гостями. Но совместное чтение придавало особый высокий дух общению и какую-то особую глубину, может быть, потому, что литература — самое глубинное из искусств. А сегодня некоторые школьники ухитряются пройти великих прозаиков, не прочитав ни строчки из них, в крайнем случае — цитаты в учебнике, удивляясь, зачем вообще толстые романы, когда есть цветное кино? Мы все готовы горячо дискутировать о преподавании литературы в школе, но в несостоявшихся встречах виновата и семья, образованные родители.

Чтение в раннем возрасте, ранние разнообразные знания, причем добытые самостоятельно, раннее развитие — об этом очень заботился Илья Николаевич. В доме были географические карты, зоологический атлас, коллекции производства шелка, шерсти, бумаги...

Первой учительницей детей была мать. Сама учила старших читать и писать, старшие потом учили младших. Учила языкам. Умела увлечь. Один день все в доме говорят по-немецки, второй по-французски... Трудно объясниться, найти слово? Загляни в словарь. В сознании незаметно утверждалось: нет такого, чего нельзя освоить, все в твоих силах. К тому же еще дети знали, что мать выучила языки без гувернеров и гувернанток, в основном благодаря своему упорству. Она читает «Историю французской революции» на французском языке, читает Гюго, Гёте, Шекспира — их книги у нее в комнате на полке, — читает на родных их языках. Когда выпадает свободное время — занимается переводами, любит это занятие. Несколько небольших рассказиков в ее переводе были даже опубликованы в журнале. Потом по ее стопам пойдут дочери — Анна будет переводить с итальянского, Ольга со шведского.

В доме рояль, большое собрание нот.

Те, кому доводилось слушать игру Марии Александровны, не хотели верить, удивляясь, что музыке она училась почти самостоятельно, — такой прекрасной была

музыкантшей. Нередко вечерами из дома на Москов-
ской доносилась музыка. И случавшиеся в этот час про-
хожие, наверное, умеряли шаг, умеряли дробь деревян-
ного тротуара, чтобы прислушаться к дивным звукам
Это могли быть Чайковский, Бетховен или Верстовский —
Мария Александровна очень любила «Аскольдову мо-
гилу», а может быть, какой-нибудь старинный напевный
романс.

В доме уже погашены почти все лампы. Она уложила
малышей, улеглись старшие, и этот вечерний час принад-
лежит ей. Только ли ей? Музыку слышат дети — хорошо
им засыпать под нее. Приходит ощущение покоя, кра-
соты — и это все их дом.

Днем Мария Александровна открывает крышку ро-
ля. Поет с младшими детские песенки.

Ай, попалась, птичка, стой...

Занималась с Аней, потом с Олей, когда она подрос-
ла. И Володя пристрастился к роялю. У него прекрас-
ный слух, музыка, как и все, давалась ему легко. Бойко
играл детские пьески, недурно — вальсы. Любил играть
с матерью в четыре руки. Но потом, когда пошел в гим-
назию, оставил занятия музыкой. Видимо, повлияло

взгляды того время
шень.

Что же удивите
ней точки зрения? И
И музыка всем дос
ния, инструмента (
проигрывателя, плас
часто и тревожно
кость».

Вот оно, рядом, А
тяни, а путь к нему
ми интересами, сует
то о дефицитных про
ко выдаем — для с
за элементарные чел
де, хотя «элементарн
лы разумного. Превр
гами, стало причиной
ми. Это незаметно з
во семейной жизни. Ес
чтения легкого, чтени
работы ума, души, сер
чувств, веры в добро,
вятся органичной част
никами.

Известный революц
телеймон Николаевич
ульяновская семья пре
духа; ни споров из-за
столь обычных в обыват
рие, любовь, уважение
благородство в житейск
ра, пропитанная «традиц
И еще больше оцени
тишься его высотой, есл
вместо сегодняшней у
скую, пыльную и грязную
бирск.

Маленький, тихий, про
дов, ни фабрик, ни погр
чали далеко от Си

взгляды того времени, что фортепиано — это для барышень.

Что же удивительного в этом доме с нашей нынешней точки зрения? Книги? В какой семье их сегодня нет? И музыка всем доступна — от музыкального образования, инструмента (кто не может купить пианино?) до проигрывателя, пластинок, магнитофона. И тем не менее часто и тревожно произносим мы слово «бездуховность».

Вот оно, рядом, духовное богатство, только руку протяни, а путь к нему оказывается перекрытым — мелкими интересами, суетными заботами то о модных вещах, то о дефицитных продуктах. Подобные заботы мы нередко выдаем — для самооправдания, самоуспокоения — за элементарные человеческие потребности в еде, одежде, хотя «элементарное» давно перешагнуло все пределы разумного. Превратилось в погоню за личными благами, стало причиной семейных конфликтов, ссор с детьми. Это незаметно заполняет все большее пространство семейной жизни. Если и остается место для чтения, то чтения легкого, чтения только для удовольствия — без работы ума, души, сердца. И книги не рождают высоких чувств, веры в добро, правду, справедливость. Не становятся органичной частью жизни, собеседниками, наставниками.

Известный революционер, литератор-публицист Пантелеймон Николаевич Лепешинский сказал однажды, что ульяновская семья представляла из себя аристократию духа: ни споров из-за будничных интересов, ни дрязг, столь обычных в обывательской среде, — взаимное доверие, любовь, уважение к свободе друг друга, огромное благородство в житейском смысле этого слова, атмосфера, пропитанная «традициями общественности».

И еще больше оценишь аристократизм духа и восхитишься его высотой, если из музейных окон «увидишь» вместо сегодняшней улицы Ленина бывшую Московскую, пыльную и грязную, если вглядишься в старый Симбирск.

Маленький, тихий, провинциальный городок. Ни заводов, ни фабрик, ни погромыхивания конок. И поезда стучали далеко от Симбирска. Зимой, укутанный снегами,

он совсем затихал. Единственным способом сообще-
ния с миром становились лошади. Весной, когда начина-
ла «работать» Волга, когда закипала жизнь на пристани,
ощущение захолустья несколько отступало, но все ра-
но... По словам писателя Гончарова, уроженца Симбир-
ска, вся улица слышит, когда за версту едет телега или
стучит сапогами по мостовой прохожий. Автор «Обло-
мова» очень образно рисует навевающее сон затишье.
Сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, сонные
лица сидящих по домам, сонные лица прохожих. Так и
кажется, что каждый из них лениво думает: «Нам нече-
го делать. Мы не торопимся, живем — хлеб жуем...»

В 70—80-е годы прошлого столетия в Симбирске бы-
ло 30 тысяч жителей. И на такой маленький городок
29 церквей, два монастыря, тюрьма.

Мария Ильинична Ульянова рассказывала, что одной
частью симбирского общества было реакционно настро-
енное дворянство, которое водило компанию в своей
среде. Тут сорили деньгами, убивали жизнь в безделье
и пышных празднествах. Другую часть составляло чинов-
ничество, здесь в знакомствах и общении строго придер-
живались ведомств и табели о рангах. Это общество не
могло представлять интереса ни для Ильи Николаевича,
ни для Марии Александровны, людей высокой культуры.

Корреспондент «Казанского биржевого листка» сооб-
щает в 1887 году в своей газете, что просветительные
средства и учреждения «обретаются» в Симбирске «не в
авантаже». Он же помогает нам заглянуть в Карамзин-
скую библиотеку того времени. Одна грязная комната, в
которой ходят прямо в калошах и пальто. Здесь берут
книги на дом и здесь же читают за одним большим об-
щим столом. Не для углубленных занятий обстановка,
и сидят за столом в основном отставные чиновники —
громко разговаривают, обмениваются городскими сплет-
нями.

И закономерной кажется после этих картинок и атмо-
сферы гимназии, о которой вспоминает семнадцати-
летняя Оля Ульянова, уже уехавшая из Симбирска, в
письме к своей подруге.

«...Мне грустно думать, что у нас в гимназии был ка-
кой-то институтский дух, главными распространительни-

цами которого были пансионерки. Ведь у нас в классе, за ничтожным исключением, никто не имел любви к науке, серьезного отношения к ней, желание узнать что-нибудь кроме учебника и узнать для себя, а не для ответа учителю. ...А сколько у нас было хороших учениц, т. е. хороших в смысле способностей, а не отношения к делу! Всех губили эти институтские глупости: беганье, бантики, ленточки, балы, кадеты и т. д., и все интересы становились мелки-и пусты. Меня даже злоба разбирает, когда подумаю об этом...

Может быть, я уж слишком строга (на свой аршин нельзя мерять!), но, к моему собственному сожалению, в сказанном на этой странице слишком много горькой правды, чтобы не извинить резкости выражений».

В строках чисто ульяновское неприятие серости, узости интересов. Печать семьи, печать родного дома. Дом воспринимаешь как оазис в далеком от нас по времени Симбирске. И чем больше читаешь воспоминаний тех, кому доводилось бывать в этом доме, тем больше утверждаешься в этом ощущении. Вот даже и слово «оазис», возникшее без подсказки, мелькнуло. Да, именно это слово, в сочетании с другим — «редкий».

«...Редкий оазис высокой нравственной культуры» — так сказал человек, узнавший ульяновский дом в детстве и тосковавший по нему потом.

Когда Ульяновы уехали из Симбирска, на Московской улице нередко можно было увидеть девятилетнего мальчика Лелю, сына известного чувашского педагога, просветителя Ивана Яковлевича Яковлева, которого всегда, чем мог, поддерживал Илья Николаевич. Он останавливался у знакомого коричневого дома, ревнуя, видно, его к новым хозяевам. Тихо, стараясь не скрипнуть, открывал калитку, смотрел на заросший гусятником двор, на покрытые ярким зеленым мхом крыши дворовых служб, на стену акаций, за которыми начинался сад. Двор и сад — место удивительных игр... Ему было очень грустно. Ведь детская душа не может смириться с тем, что все прекрасное кончается, а то, что очень дорого тебе, можно утратить. Конечно, лишь много позже разобрался он в грустном чувстве «чего-то милого, дорогого и навсегда потерянного». Больше полувека пройдет, преж-

де чем Алексей Иванович Яковлев, известный совет-
ский историк, член-корреспондент Академии наук СССР
напишет обо всем этом другу детства Дмитрию Ильичу
Ульянову.

«Милый Митя!

...Ваш дом, несмотря на мои детские годы, был и остал-
ся для меня школой истинной благородной светскости,
состоящей в изумительной, отличавшей всю Вашу семью
деликатности в личных отношениях, какого-то удивитель-
ного врожденного такта и тонкой чуткости... Вот это,
свойственное всем членам Вашей семьи, прирожденное
дарование... и влекло меня, как магнит иголку, к Вашей
семье тогда, когда я не имел никакого житейского опы-
та и 7—8-летним мальчиком мог только инстинктивно
чувствовать прелесть атмосферы Вашего семейного кру-
га, в котором меня все притягивало ...потом, умудрен-
ный житейским опытом многих десятилетий, я понял,
что я с самого раннего детства попал в удивительный и
редкий оазис высокой нравственной культуры, проник-
нутой высшей и благороднейшей формой природного
гуманизма, украшенного образованием и школой, со-
единявшей и литературу, и музыку».

ДЕТИ

Тонкие красивые черты лица, живые умные глаза, се-
ребристые волосы, кружевная наколка на голове — такой
мы знаем Марию Александровну по многим фотогра-
фиям. Она поседела очень рано, поседела за одну ночь,
во время родовой болезни, едва не стоившей ей жизни.
Наверное, поняла опасения врачей и, не знавшая стра-
ха — закаленная с детства, умела справляться с «нерва-
ми», — испугалась. За детей. Как они без нее? И подня-
лась, встала.

Родила восьмерых. Между Александром и Влади-
миром была девочка, которая умерла в грудном воз-
расте, между Ольгой и Дмитрием мальчик Николай —
несколько дней всего прожил. Часто в ту пору уносили
крошечных детей болезни, только это «часто» никак
не уменьшало ни материнского горя, ни сердечной боли.

Вырастила шестерых. Горячо любила своих детей, жила ими — так скажет самая младшая из ее дочерей, выразив то, что чувствовала с того момента, как начала себя осознавать.

Дети в семье делились на пары. Разница между старшими Аней и Сашей около полутора лет, и так же близки по возрасту Володя и Оля, за ними шли Митя с Маней. Характеры все разные.

Старшие — тихие, послушные. Аня любит мечтать, фантазировать. Очень впечатлительна, даже нервна. Илья Николаевич отмечал тут явно выраженный меланхолический темперамент. Саша с ранних лет на редкость серьезен, вдумчив, чуток, справедлив. Эти черты еще больше разовьются в отрочестве, юности.

Володя и Оля... Кажется, с появлением Володи покой из дома ушел навсегда. Неукротимая энергия с младенчества. Там, где он, — там всегда шум, возня. И Оля ему не уступает. Целый день могут вертеться, петь, скакать на одной ножке. Явные холерик и сангвиник, считал отец. Бегали по дому, гоняли по саду и двору, лазали по деревьям. Можно представить, сколько хлопот доставляла матери и старшей сестре эта шустрая бойкая парочка.

Однажды, когда Мария Александровна отлучилась из дому, они так разошлись, что старшая сестра и брат, которым поручили за ними приглядывать, были в полной растерянности. Отошли в сторонку посовещаться. «Ну что с ними делать, они еще, пожалуй, опять калошами кидаться станут», — выразил опасения Саша. А мелюзга словно лишь сигнала ждала. Опасение старших их еще больше раззадорило. Как только острое ухо уловило произнесенные шепотом слова — бац! — из прихожей в зал под радостные ликующие крики полетели калоши. На только что вымытый пол, на диван, недавно обитый ярким ситцем.

Вернувшаяся мать остановила возмущенные возгласы Ани и Саши, сказала спокойно и твердо: «Это пустяки. Этого делать не надо». — Укоризненно глянув на несправившихся нянек, увела за собой «преступников», чтобы чем-нибудь занять.

Нет, не ангелами росли дети в семье Ульяновых.

Когда начали появляться в печати воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич следили за тем, чтобы не представлял он в свои детские годы этаким благостным пай-мальчиком, резонером, который все время изрекает нечто правильное и мудрое, а умиленные родители гладят его по головке. Вроде бы иначе нельзя, неудобно вспоминать про вождя.

Мальчик, как все мальчики, в которых энергии через край. Старшей сестре только что подарили линейку, а он вмиг сломал ее и тотчас побежал к ней сообщить о случившемся: «О коленку сломал», — и ногу приподнял, показывая, как это ему удалось.

— Хорошо, что он не делает ничего исподтишка, — говорила мать.

Приходилось удивляться его терпению и такту — ни окриков, ни шлепков. Хотя Володя был не первым ребенком и материнский опыт у Марии Александровны был уже немалым, его поступки могли ставить в тупик и так ошеломлять — ведь ничего подобного не случалось со старшими, — что, кажется, любая сдержанность тут взовьется.

Саша расстелил на полу театральные афиши — в 6—7 лет он собирал их, любил раскладывать, рассматривать, — а Володя коршуном налетел на сокровища, растоптал, разорвал несколько листов.

Мария Александровна, видимо, хорошо понимала, что развитие — это не только книги, музыка, умные разговоры с детьми, ответы на их вопросы, упорядоченные игры... В самом деле, какими бы вырастали дети, если бы выполняли все разумные с точки зрения взрослых требования: отойди — опасно, не делай — это некрасиво, не разглядывай — ничего интересного?.. Все непредсказуемые и необъяснимые «так хочется» как бы заполняют пробелы в процессе воспитания. Ребенку надо сунуть руку в огонь, сломать игрушку или разобрать на винтики будильник... Он как бы мир на зуб пробует. Чем любознательней, тем больше проб. «Ты злой, ты нехороший! Ты неблагодарный! Ты сделал больно маме с папой, которые о тебе заботятся! Ты не ценишь подарков! Ты плохо относишься к людям, которые делают игруш-

ки!» — что еще спешим мы проникновенно сказать или прокричать в таком случае? И не замечаем часто, что наши монологи летят мимо ушей, мимо сознания. Впрочем, в сознание иногда западает: я злой, от меня ничего хорошего не ждут...

Мария Александровна всегда старалась в таком случае просто переключить внимание детей на что-то другое. Но детские проделки требуют серьезного родительского внимания. В них таится и опасность: могут, повторяясь, стать чертой характера. Важно не проглядеть ничего.

У юркого, как ртуть, хорошенького Мити слезы всегда наготове: плаксив и жалостлив. Никак не может допеть до конца про серого козлика, чтобы не расплакаться. Его уговаривают набраться мужества, вот он уже почти благополучно дошел до трагического момента — «Напали на козлика...», — крепится изо всех сил — «серые волки», — но тут Володя поворачивается в его сторону, делает страшное лицо: «Оста-вили ба-абушке ро-ожки да но-ожки», и Митя снова заливается слезами в три ручья.

Насмешник, случалось, и для знакомых устраивал спектакль. «Сейчас Митя будет по заказу плакать. Ну же, Митюша, поплачь немножко для нас, я тебя очень прошу». И Митя не заставлял себя долго просить.

Аня возмущается, ссорится с братом из-за того, что тот дразнит маленького. А мать понимает, что нет в этом злости или жестокости. Разве мог кто-то лучше Володи уговорить, успокоить того же Митю или Манечку? Он проявлял тут не только свою обычную находчивость, но и чуткость и такт.

Как-то вечером все дети сидели за большим столом в столовой, занимались своими делами, вошла няня и сказала, что Мите пора спать. А он только что построил из карт необычайный, как ему показалось, дом, только собрался похвастаться, и тут вместо славы... Не обидно ли? Естественно, начались пререкания, уже близко слезы — и тут вмешался Володя. Напустив на себя важный вид, он торжественно произнес: «Инженер мистер Дим перед своей поездкой в Америку представил нам замечательный проект многоэтажного здания, рассмотрением которого мы должны сейчас заняться. До свидания,

мистер Дим!» И польщенный Митя, уже больш не про-
тестуя, отправился спать.

Ничего не ускользает от наблюдательной матери.
Не раз убеждается она в правоте многих своих «не» —
не окрикивать, не одергивать, не понукать, не прину-
дать.

Когда ребенок один, родители не успевают даже огля-
деться в детство. Раз и навсегда сказав себе, что второй —
это слишком тяжело, невозможно, они больше всего хо-
тят, чтобы и с одним-единственным скорей бы стало по-
легче. Торопят время — скорей бы он пошел, скорей бы
заговорил, скорей бы дорос до детского сада. Через
какое-то время грустят: жаль, миновал самый интерес-
ный возраст. Так все минует, мелькнет, пройдет, оставив
одно ощущение: ты — неопытный родитель. В самом
деле, когда ребенок один, каждый этап его жизни для
матери и отца нов, не знают они, что ждет их сына или
дочь (и их самих) на этом этапе. Даже закономерное
оборачивается множеством неожиданностей.

Все по-другому в многодетных семьях.

Аня с Сашей уже в средних классах гимназии, а по
дому перекатывается на радость всем нежное толсто-
щекое румяное существо — Марусенька. Маняша, как
зовет ее Володя. Он часто играет с ней и с Митей. То ко-
ляску им мастерит для котенка, то катает Маню с ледяной
горки во дворе, то мчится вместе с ней на санках, крепко
прижав ее к себе. И на каток не откажется взять, чтобы
покатать в кресле с длинными полозьями. Нередко по-
дойдет сзади, возьмет за локти, поднимет выше головы...
И она, пожалуй, больше других любит Володю, ему до-
стаются ее восхищенные взгляды.

Все закладывается в детстве. Близкие Владимира
Ильича считали, что именно забота о младших в семье на-
ложила печать на все дальнейшее его отношение к детям.
Мгновенно заводил с ними знакомства, устанавливал кон-
такты, и вскоре слышался смех, начиналась веселая бегот-
ня. Любил с ними поиграть, пошутить, но никогда над
ними, по словам Надежды Константиновны, «не стро-
жился», «никогда он их не поучал, как иной раз изобра-
жают это на картинах».

Младшему ребенку в семье, видно, всегда достается

больше всех ласки. Так и Марии — Медвежонку, Мимозе. Вон сколько у нее ласковых семейных прозвищ! Кто бы мог в ту пору предположить, что станут они подпольными кличками революционерки, социал-демократки, большевички, с которой не будет спускать глаз охранка. До сюжетов, выстраиваемых жизнью, далеко и самому изощренному вымыслу.

А пока все сюжеты, все судьбы у истока. В одном узелке под родительской крышей, под родительским глазом.

Отнюдь не все безмятежно и просто в жизни детей. Ребенку, выросшему в интеллигентном доме, обычно трудно принять то, что никак не вяжется ни с разумным, ни с человечным, трудно привыкнуть к этому. Саше тягостна гимназия. Особенно тяжело пережил он первый год. Погрустнел, еще больше замкнулся, хотя не жалуется, ведет себя как и подобает мужчине. Лишь Ане, с которой особенно близок, с возмущением рассказывает о грубых проделках товарищей, о солдатски-грубом и часто несправедливом отношении учителей к ученикам. Он ненавидит долбежку [illegible] и латыни, зубрежку, которая процветает и поощряется в гимназии. Он привык размышлять, рассуждать. С 12—13 лет увлечен историей. Читает «Исторический вестник», где, кроме исторических повестей и романов, публикуются документы, мемуары, библиографические обзоры. Все четче проявляется главный его интерес, призвание — естественные науки. В старших классах поглощен химией, биологией.

— Живет философом в пустой кухне, — шутит отец, когда кто-то из заглянувших знакомых спрашивает, где Саша.

Устроил лабораторию в кухоньке во дворе — сам паяет для нее на спиртовой лампе разные стеклянные трубочки, собирает пузырьки, банки. Деньги на оборудование и препараты зарабатывает уроками. Остается лишь удивляться, как он на все находит время. Первый ученик в гимназии. К занятиям готовится всегда основательно и углубленно. Самостоятельно изучает Менделеева, его «Основы химии», предназначенные для студентов университетов. Летом, перед выпускным классом, его все труднее вытащить из лаборатории — ни на крокет не до-

зовешься, ни на прогулку. Родители всерьез озабочены его здоровьем — кто же выдержит такие нагрузки. Вся надежда на поездку в Кокушкино, на деревенский воздух. Там охота, которую он любит, там речка. Разумеется, и на реке займется работой — поиском и изучением жучков-червячков, разных водяных обитателей.

В нем уже угадывается будущий ученый: вместе с увлеченностью развилась привычка к углубленной настойчивой работе. В гимназическом сочинении «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству» написал то, что уже знает наверняка: человеку прежде всего нужны честность, любовь к труду и привычка настойчиво работать, твердость характера, ум и знание. И через несколько лет, на суде, отказавшись от защитника, тоже скажет выношенное: «...у нас дается возможность развивать умственные силы, но не дается возможности употреблять их на служение родине». Как мало времени остается у него до суда, смертного приговора! Словно предчувствуя это, спешит, насыщает сверх предела часы, дни. Нет-нет, «предчувствуя» — это из области нашего вымысла: видим издали целиком эту яркую жизнь, знаем начало и конец, позволяем «будто» и «словно»... Жизнь виделась ему долгой, как может видеться в юности, строил планы, мечтал...

А пока был Симбирск — самая счастливая полоса жизни семьи. Пока детям Ульяновых ничего не угрожало.

Кажется, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве остался тот случай с растоптанными Сашиными афишами. Давно уже старший брат для Володи — высота, к которой он тянется. Идеал. Родители видят любовь и подражание. Все стремится делать, как Саша. Следует ему даже в мелочах. «Пойдешь гулять? Кашу будешь с молоком или с маслом?» — любое спроси — выжидательно посмотрит на Сашу. Аня и Оля подшучивают над ним, да и Саша иногда задерживается с ответом, хитро поглядывая на брата. А он неизменен, несмотря на насмешки. Стоит на своем: «Как Саша».

Всегда, наверное, в больших семьях младшие тянутся за старшими. Но Саша любим и уважаем не просто потому, что старший. Он и для Ани, которая уже окончила гимназию с большой серебряной медалью, — авторитет.

Его любит Оля. Светится счастьем Митя, когда он берет его с собой на реку. Мите куда интересней ловить рыбу, чем охотиться за пиявками, пробираясь на лодке сквозь заросли камыша, но ведь он — с Сашей! Саша так внимателен к нему — никакого пренебрежения или высокомерия, нередкого по отношению к младшим, — что Митя готов за ним в огонь и в воду.

При твердом характере брат чуткий, ласковый. При впечатлительности и глубине переживаний всегда спокоен, выдержан. Не любит делать замечаний младшим. Свое мнение высказывал, только когда его просили об этом. Но так получалось, что просили часто. «Может быть, потому, — размышляла старшая сестра, — что его мнение, даже резко неодобрительное, не бывало обидно — настолько оно бывало просто и искренне серьезно, настолько чуждо всякого самомалейшего тщеславия или сознания своего превосходства, стремления влиять и властвовать. Душа тянулась к нему совершенно свободно, без всякого опасения за свою самостоятельность. Я не видала также человека, который подмечал бы так охотно — я сказала бы, даже радостно, — все хорошее в людях, который отдавал бы [illegible] бескорыстную и щедрую дань всякому таланту, всякой способности другого. «Как это ты умеешь?» — говорил он, например, о такой безделке, которой он не умел, вернее, не делал лишь потому, что был занят более серьезным».

Саша не был ни книжником, не замечающим ничего вокруг, ни бирюком. Распевая что-нибудь из Некрасова, взлетает с Аней на качелях, играет в крокет с таким же жаром, как все, любит плавать. Забывается за шахматами. Правда, мало общается с гимназическими товарищами — разве что забежит к кому-то по делу: у него, углубленного в свои занятия, совсем нет времени, — но к нему тянутся многие. Заходят попросить книгу, поговорить о прочитанном. Тоже подолгу не засиживаются в его кухне, чувствуя, видно, в какой цене тут каждая минута.

Хоть и стало поводом для насмешек Володино «как Саша» — у Ульяновых не возбраняется подшучивать друг над другом, — нельзя было не заметить благотворного влияния старшего брата на среднего.

Когда Володя пошел в гимназию, его блистательные

успехи и радовали и вызывали беспокойство: не слишком ли легко все ему дается — научится ли работать? Обычно быстрее всех справившись с уроками, он сбегал вниз. А внизу — тишина. За большим столом сидят Аня с Олей над своими тетрадями и учебниками, тут же чем-то тихо занимаются младшие. Рядом мать с рукоделием. А он моментально взрывал тишину и сосредоточенность. Мог пройтись колесом, кого-то задеть. «Мамочка, он мешает!» — возмущались сестры. Выходил из кабинета, оторвавшись от работы, отец: «Что за шум!» Уводил нарушителя к себе, сажал в черное кресло, то самое, знакомое нам по рассказам о ленинском детстве кресло — единственный способ наказания в семье Ульяновых — или проверял у сына уроки; спрашивал латинские слова по всей тетради: может, поспешил и недоучил, но тот всегда все знал. Недаром был первым учеником в гимназии.

«Как Саша» — и все дольше задерживается за уроками и книгами наверху в своей комнате над лестницей: рядом, за стеной, углубился в занятия Саша. Старается делать все основательно, как старший брат, учить больше, чем задают. Однажды разграфил лист бумаги, выписал 64 французских глагола — таблица спряжения. Лучше все придумать и аккуратнее выполнить было бы просто невозможно. Все четко, все сразу ясно, видно. Единственная дошедшая до нас гимназическая работа Ленина. Не удивительно, что единственная, удивительно, что дошла, уцелела в колесной жизни семьи, постоянных переездах, жандармских обысках. А вот сочинений — некоторые из них Мария Александровна берегла очень долго и возила за собой — сохранить не удалось. Не просто пять — пять с плюсом ставил нередко за них восхищенный преподаватель словесности Керенский, отец будущего известного эсера, главы Временного правительства (сколько же сюжетов началось в тихом Симбирске), и не раз говорил он матери, что очень ценит сочинения ее сына за продуманную систему, за обилие мыслей при сжатости и ясности изложения. Только однажды был недоволен. «О «каких» это угнетенных классах вы тут пишете, при чем тут это?» — сказал, возвращая Ульянову тетрадь. Сказал так, что все в классе заинтересовались, какую же

отметку по
пять.
Володю,
от стола. М
в серьезных
гимназии отн
ка трудно за
кам уже тол
километров
где гремела
Живой, на
зок, мог вспы
мягкости, нес
старался лиш
стал бороться
складе ума —
ные или слаб
все больше уч
гримерять к се
упражнения на
собности можн
работает тол

отметку получит на этот раз первый ученик? Все-таки пять.

Володю, как и Сашу, все труднее оторвать от книг, от стола. Можно уже говорить о развитой потребности в серьезных углубленных занятиях. В выпускном классе гимназии отказался даже от любимых коньков: после катка трудно заниматься, клонит в сон. И вернется к конькам уже только в Сибири, в ссылке. За тысячи, тысячи километров от Свияги, где устраивался городской каток, где гремела музыка...

Живой, находчивый, остроумный, нередко бывал резок, мог вспылить. И тут влияние Саши, его ровности, мягкости, несомненно, считает старшая сестра. Сначала старался лишь подражать брату, а потом сознательно стал бороться с этим недостатком. При критическом складе ума — очень легко замечал он в других смешные или слабые стороны, — при любви к насмешкам все больше учился ценить и чужие достоинства. Ценить, примерять к себе. Однажды, слушая бесконечные Олины упражнения на рояле, восхитился: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать!» В семье говорили: «Оля не работает только когда спит». Редкое упорство проре-

залось в шустрой девочке, и не удивится потом мать, когда, решив стать врачом, поступить в Гельсингфорс-ский университет, она самостоятельно — за короткий срок — одолеет шведский язык.

И в музыке ее успехи блестящи, играет уже лучше матери, но так, наверное, и должно быть. Дети и должны идти дальше родителей.

Аня, окончив гимназию, работает помощником учителя, собирается на Бестужевские курсы. И у Саши в гимназии выпуск — торжественное празднование этого события. Для него это действительно праздник — прощание с нелюбимыми стенами. Впереди Петербург, университет.

Уже и Митя пошел в гимназию. Глядя на него, многие говорят, что он похож на мать, а Мария Александровна считает, что он вылитый дед — Александр Дмитриевич Бланк. Впрочем, никакого противоречия тут нет: она похожа на отца. Митя разошелся с дедом во времени, родился после его смерти. Но вот удивительно, повторит его не только в чертах лица, но и в профессии, станет, как дед, врачом. Дотошно будет расспрашивать о тех методах лечения, за которые ратовал Бланк, врач прогрессивный, талантливый, врач от бога...

Митя тянется за старшими братьями. Любит шахматы так же, как они. Но в этой общей любви так по-разному проявляются характеры. Володя терпеть не может легких партий. Противнику, который слабее, обычно дает фору — играет без важной фигуры, а если тот из гордости отказывается, то заявляет: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться». После легкой победы всегда досадует: «Это не я выиграл, а ты проиграл». А для Мити тяжелы поражения, поэтому он с большей охотой играет с отцом, чем с Володей: мягкий тактичный Илья Николаевич, щадя самолюбие сына, разрешает брать ходы обратно.

— Плохих детей у меня нет, — говорил Ульянов-отец другу семьи Вере Васильевне Кашкадамовой. — Первая пара — Александр и Анна, люди способные и талантливые, и из них в будущем выйдет большой толк. Вторая пара — Владимир и Ольга, самая любимая, эти, пожалуй, будут получше старших и пойдут еще дальше. Третья па-

ра — Дмитрий и Мария — народ тоже довольно спо-
собный, но сказать про них ничего еще нельзя...

КРАСНЫЙ КЛУБОК

Красный волшебный клубок, можно сказать, стал классикой семейной педагогики.

Мария Александровна подарила его маленькой Маняше вместе с крючком и показала, как надо вязать. Пальцы с непривычки не слушались, да и скучно это — вытаскивать бесконечно петлю за петлей. Сидишь, а работа почти не движется. Лучше бы поиграть с Митей, побегать по саду, а вязать шарфик совсем неинтересно. И вдруг пальцы почувствовали что-то твердое в клубке. Маруся отмотала нитку — маленькая игрушка. Вот так сюрприз. Начала вязать побыстрее — может, еще что-то прячется в волшебном клубке? Так и есть — конфета, чудеса, да и только! Не заметила, как довязала весь клубок...

Появившись впервые в воспоминаниях Марии Ильиничны, клубок этот «катится» по рассказам о семье Ульяновых, по педагогическим статьям, иллюстрируя воспитание любви к труду — учитесь, дорогие родители, перенимайте. Да, Мария Александровна умела заинтересовать детей любой работой, увлечь, не принуждая. Она была талантливым воспитателем. А делится ли талант на составные? Талантливая ткачиха может передать ученице все свои приемы, ничего не утаив, научить всему, что умеет сама, но далеко не всякая ученица встанет с ней вровень. Это в ремесле. Что же говорить тогда о воспитании, сложнейшем искусстве?

О родительском таланте Ильи Николаевича и Марии Александровны написано немало. Есть работы опытных педагогов, рассчитанные на родителей. В них скрупулезно собран большой материал, грамотно разложен по полочкам: принципы воспитания, педагогические условия воспитания, методы воспитания и самовоспитания. Но почему-то возникает протест против подобного диссертационного духа. Может быть, потому, что разрушается образ реальной семьи, живой, жившей, как все семьи, в больших и малых заботах, горестях, радостях, и Ма-

рия Александровна предстает педантичным педагогом, обложенным методичками, составляющим с вечера воспитательный план на завтра, где под пунктами 1, 2, 3... идеалы, трудолюбие, гармоничное развитие...

Как бы сознательно ни осуществлялось семейное воспитание, в его процесс непременно вторгнется много стихийного, незапланированного, непредусмотренного, неконтролируемого.

Не здесь ли, кстати, разгадка случающегося парадокса: хороший учитель — [illegible]дственный родитель. Приходилось слышать [illegible] учителей, чего стоит им урок, который ты, [illegible]ии со стороны, посидевший на последней парте, [illegible]что воспринял как праздник интеллектуального общ[illegible] или как совместную работу учителя и учеников, выполненную играючи. Речь не о массе времени, которую всякий хороший учитель тратит на подготовку, — о напряжении внимания, воли, всех душевных сил. Иначе твое слово не станет импульсом к размышлению, иначе ни у кого не загорятся глаза.

Дома мы, естественно, не живем в такой собранности, таком напряжении. Дома мы — как модно нынче говорить — расслабляемся. Дети видят нас в разные минуты, в разном настроении — не в самые лучшие минуты, не в самом благоприятном для общения с ними настроении. А ведь воспитывает не только и не столько наше правильное слово, бесспорные истины из дидактики, а нечто другое.

Приучаем, к примеру, ребенка к домашнему труду, что-то терпеливо показываем, терпеливо объясняем (нравимся себе: вот как я терпелив!), приговариваем при этом: любая работа приносит удовольствие, если делать ее хорошо. А ему западает в сознание не наше мудрое наставление, а то, как мы иногда в сердцах гремим на кухне кастрюлями или моем плиту после убежавшего молока, чертыхаясь: «Провалились бы все эти бесконечные дела, не успеваешь почитать, в кино сходить — какая-то вечная каторга!» Мы огорчаемся, что ребенок без напоминаний не сходит за хлебом, не вымоет посуду, а он увиливает от «каторги». Мы вынуждены начать другую важную воспитательную тему: в семье надо делить обязанности, не взять на себя часть забот —

несправедливо, эгоистично! Но и эти слова проходят мимо. Может, он почувствовал в наших чертыханиях больше искренности, чем во всех проникновенных и логичных наставлениях?

Вот так, наверное, получается: Петровы очень много занимаются воспитанием детей, а дети так себе. Ивановы вроде ничему своих не учат, ничего не стараются привить — очень заняты Ивановы, некогда им, — а их дети всем на зависть.

Мне довелось однажды побывать в подобной многодетной семье в Осетии. В этой семье, по мнению односельчан, самые хорошие дети, самые трудолюбивые, самые уважительные, самые воспитанные. Это соответствовало истине. «Почему же они такие, не другие?» — допытывалась я у главы семейства. А он, подумав, ответил мне серьезно: «Потому что мы их не воспитываем». И рассказывает, чтоб как-то рассеять мое недоумение. На днях столярничал в сарайчике, и забежал туда самый младший. Повертелся около отца, вроде бы просто так, но от отца не ускользнуло: сын наблюдает за его работой. Только он не подал вида, что заметил это, и не стал предлагать: поучись, попробуй (мужская сдержанность не допустила слов ни с той, ни с другой стороны), а на следующий день увидел, что у кроличьих клеток починены дверцы. Постепенно «мы их не воспитываем» выстраивалось для меня в целую педагогическую систему, где многое оказалось продуманным, прочувствованным, проверенным. Можно, конечно, попытаться разложить эту систему на составные, можно что-то перенять, чему-то последовать и... удивиться: желанного результата нет.

Ни один педагогический эксперимент, ни одно педагогическое поле нельзя, наверное, повторить, воспроизвести в чистом виде. Для внедрения социального изобретения нужна личность, идентичная личности изобретателя. А каждый человек неповторим, и тем более неповторима каждая семья.

Можно, как Мария Александровна, дать в руки дочке красный клубок, клубок с сюрпризами, но это еще не факт, что куколки, зайчики и конфеты выполнят возложенные на них ответственные задачи.

Вспоминается родительское собрание в школе, где учился сын. Называлось оно «Семья и труд». Речь шла об ответственности родителей за воспитание в детях трудолюбия, трудовых навыков, и завуч по воспитательной работе в своем докладе немало места уделил семье Ульяновых. Все внимательно слушали, а сидевшая рядом со мной чья-то уставшая мама заметила: «Хорошо, когда женщина не работает — есть время что-то придумывать для детей, увлекать, завлекать...»

Время? Пожалуй, по инерции сетуем не нехватку времени для воспитания. Да, работаем, да, устаем. Но ведь на слово раздраженное и слово ласковое нужна одна и та же секунда. И воспитываются дети, как уже отмечалось, не в специально отведенные для этого часы.

Мария Александровна и в самом деле не ходила на службу, как ходим мы, но ведь и ребенок у нее был не один, не двое — шестеро! Почти вся домашняя работа лежала в основном на ней и няне, Варваре Григорьевне Сарбатовой, которая пришла в семью в год рождения Владимира и прожила с Ульяновыми, как с родными, 20 лет, до конца своих дней.

Кажется, при такой большой семье весь день уйдет на одни лишь хлопоты о завтраке, обеде, ужине. А надо еще последить за детской одеждой. Всех обшить. Очень многое Мария Александровна шила сама. А еще немало времени нужно было на занятия с детьми — чтение, письмо, музыка — это все настоящие уроки. Удивляешься, как только ухитрялась при этом выкраивать время для себя, для чтения, для переводов, для музыки. Не замкнулась лишь в домашних заботах. Ее интересы широки — литература, история, общественная жизнь России... Без всего этого и не смогла бы дать детям столько, сколько дала.

Труд, труд и труд — труд физический, труд ума, труд души выстраивал ее жизнь, ее дом.

Встретилось как-то в одной книге и запало в память письмо, которое более полутора века назад написал своей жене выдающийся русский архитектор Василий Петрович Стасов. Василий Петрович, бывший, по словам его внучки Елены Дмитриевны Стасовой, революционер-

...м, соратницы Ленина, архитектором «не только зданий, но и человеческих душ», излагал в этом письме свои взгляды на воспитание и те требования, те правила, которым должна следовать женщина-мать, если хочет стать истинным наставником своих детей, ибо «ничего нет на свете столь почтенного и столь любезного». Рука тянется к книжной полке — хочется разыскать это письмо и привести здесь.

Нет, Мария Александровна не была знакома с установкой В. П. Стасова, воспитавшего замечательных детей, которые внесли огромный вклад в развитие русской культуры и просвещения, — письмо было опубликовано уже в наши дни, — но в ее жизни, в ее отношении к себе и детям обнаруживаешь, пожалуй, те же принципы, которые исповедовал истинный русский интеллигент.

«...Для нравственности расположить время каждого дня, — советовал он жене своей Марии Абрамовне, — чтобы не было праздного часа.

...При детях ни под каким видом не делать выговоров людям и никому даже спорливого или громкого разговора, ибо они делаются этого спорливыми или крикунами...

...Чтобы все делали сами и берегли по силе возраста и ничего никому не приказывали для себя...

...Чтобы рано ложились и рано вставали и больше проводили время с нами, а не одни в детской, ибо там некому их поправлять.

За сим убедительно прошу иметь к себе самой, мой друг, почтение, оно доставит тебе все приятности жизни, ибо, уважая сама себя, будешь осторожна ко всему тебя окружающему и приобретешь от всех почтение, уважение и любовь».

«Расположить время каждого дня»... Она вставала раньше всех и спешила в сад. Пока все спят, надо полить цветы, нарезать букет для столовой. Весной чаще всего ставила сирень, и дети любили отыскивать в ней свое «счастье» — цветки с пятью лепестками.

Свежие цветы на столе — значит, мать уже поработала, но и они ей помогли, еще с вечера наполнив водой большую кадку, стоящую в цветнике.

Вечерами, особенно после жарких сухих дней, за работу в саду принимались все. Один качал воду, остальные спешили к колодцу с лейками, ведрами, кувшинами — кому что под силу. Наполнив, разносили в разные концы сада — к грядкам, деревьям. Тот, кто качал воду, обычно не хотел уступать свое ответственное место другому, не сдавался, хоть на руках уже были мозоли.

Сад был довольно большой. Росли в нем и яблони, и вишни, и различные ягодные кусты. Были грядки с клубникой. Около беседки — цветник. Все ухожено — мать и здесь не терпела непорядка. Только весной или осенью кого-нибудь нанимали для окопки деревьев — мальчикам еще не под силу была эта работа.

Дети многое должны были делать сами. Приводили в порядок свои вещи. Девочки следили, чтобы у братьев все было зашито, заштопано. Всякое рукоделие, рукотворчество идет на пользу, которая измеряется не одной лишь практической житейской меркой: все, чему научишься в детстве, потом пригодится — это важно для общего развития ребенка, развития умственных способностей.

В доме немало вещей, которые сделаны детьми. Саша выпилил в подарок матери кухонную доску. На диване в кабинете отца появилась подушка, которую вышила Оля. Володю нередко можно было застать в каретном сарае. Орудует топором, пилой — мастерит ходули по чертежам из журнала «Детское чтение». Любил выстругивать перочинным ножом лодочки из мягкой коры — дарил их Мане.

Всегда занятая, мать не любила, чтобы дети слонялись без дела. Да и невозможно, наверное, было такое в доме, где с пеленок внушалось: труд — самый достойный для человека способ существования.

Перед глазами был пример отца — пример добросовестной работы. К своей деятельности, своей постоянной перегруженности, напряженности, к своим успехам он, будучи человеком очень скромным, относился как к выполнению долга, не больше. Обыкновенное дело. Так должно быть, так должен жить всякий. Руководя занятиями двух старших сыновей — делал это в первые годы

их школьной жизни, — приучал их к исполнительности, не спешил хвалить, видя, как хорошо они делают то или иное. Вообще был против «захваливания», считая, что слишком высокое мнение о себе вредно.

Оглядываясь на детство, Анна Ильинична размышляла о том, что эту, в общем, правильную линию, может быть, не следовало проводить столь неуклонно. Она, безусловно, была полезна для Владимира — поубавила самоуверенности, заносчивости, которые нередко появляются у талантливых детей от успехов, дифирамбов учителей. Самооценка от этого у него не пострадала, зато развилась привычка упорно трудиться. А вот для девочек, испытывавших потом в какие-то минуты жизни неуверенность в себе, недоверие к своим силам, были бы полезны в небольшой дозе и похвалы, считала Анна Ильинична, и вспоминала, как окрылил ее добрый отзыв отца о сочинении. Правда, не ей самой он его высказал — матери, она узнала об этом случайно.

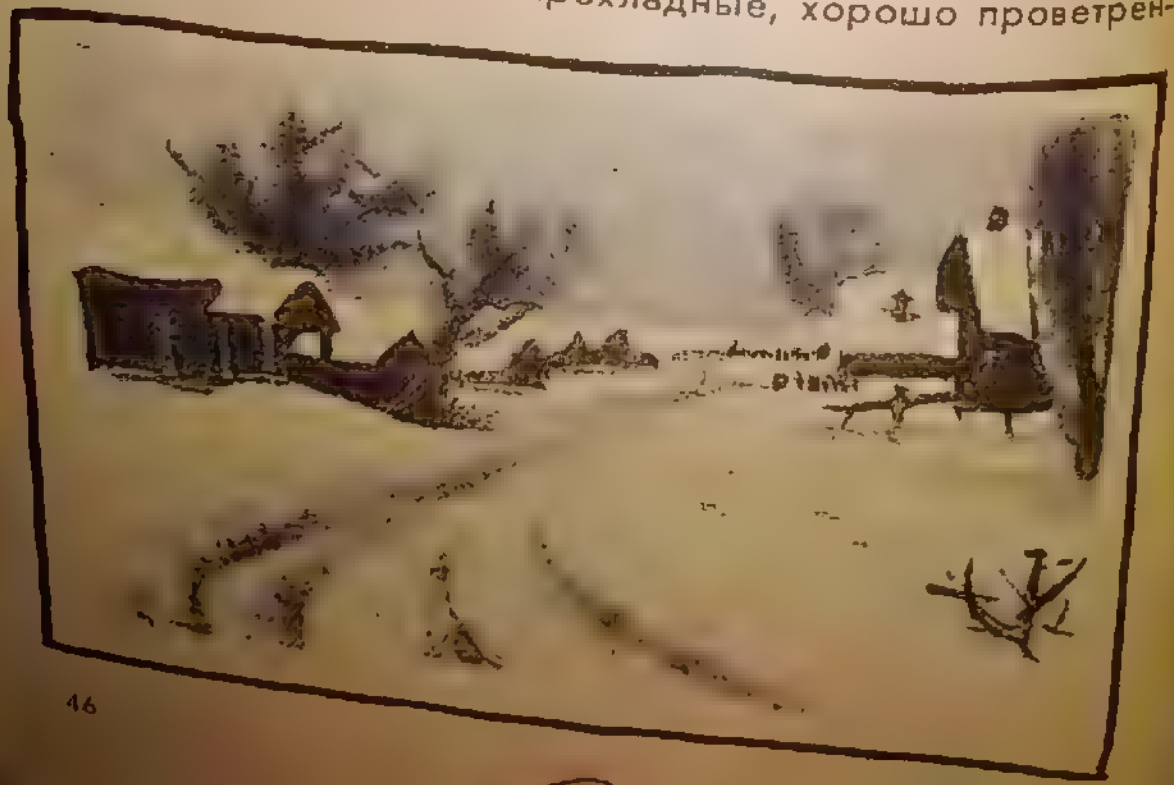
Горячо болеет за свое дело, строит, открывает школы отец. Занята домом мать. Сколько успевает она сделать для каждого — для отца, для детей — и всегда радуется, если всем от ее забот хорошо.

«С детства нас окружала атмосфера глубокой серьезной привязанности и постоянного труда» — напишет старшая дочь. Они все вынесли из детства такое ощущение.

Дети Ульяновых хорошо знают: все, чего добился отец, человек глубоко образованный, пользующийся огромным уважением своих сподвижников, своих учеников, воспитанников педагогических курсов, он добился благодаря труду и упорству. Знают, как нелегко было ему пробиваться в жизни. Рано остался без отца. Самоотверженный старший брат очень хотел, чтобы он учился, содержал его все гимназические годы. Знают, как бедствовал отец в Казани, в университете: стипендии ему не назначили, несмотря на серебряную медаль, с которой он окончил Астраханскую гимназию, и ходатайство ее директора о даровитом юноше, не имеющем никаких средств для продолжения образования. Попечитель Казанского учебного округа не счел даровитость достаточным основанием, напомнив ходатаю, что цель стипен-

дии — «облегчить лишь чиновникам способы к воспитанию детей», а Ульянов принадлежал к мещанскому сословию. Он сам зарабатывал себе средства на жизнь частными уроками. А так как к занятиям в университете относился очень серьезно, был увлечен математикой, астрономией, то работать, несмотря на слабое здоровье, ему всегда приходилось очень много.

Дети знают все и о матери. Любят слушать ее рассказы про деда — Александра Дмитриевича Бланка, про его дом, про его дочерей. Пятеро их было и один сын. Жена умерла, когда младшей едва минуло два года. Заботы о семье взяла на себя ее сестра, Екатерина Ивановна Эссен. На всю жизнь сохранила Мария Александровна признательность очень строгой и очень заботливой тетке. Аккуратная до педантизма, неукоснительно исполняла воспитательные требования отца и прибавляла к ним свои «так надо», «так надо», любимые ее слова. «Так надо» — и жизнь девочек почти спартанская. Без барства, без баловства — этого отец не терпел. Купание в реке до холодов — доктор Бланк был сторонником закаливания. Обтирания по утрам — холодная вода, жесткая мочалка. Прохладные, хорошо проветрен-



ные комнаты, а одежда — ситцевые платьица. Накрахмаленные кружевные воротнички, кружева на панталончиках — нарядные барышни! Но платьиц всего по два — одно носится, другое в стирке. Крахмалить воротнички, гладить, штопать, а потом шить — все должны были сами. Утром, накинув что-нибудь на себя поверх легких платьиц, бежали через холодные сени на кухню согреть себе молока на завтрак. Ни чая, ни кофе отец не разрешал: детям вредно. «Самовар подавали только для бабушки с дедушкой», — рассказывала Мария Александровна своим детям. Дочки Бланка даже в гостях не решались нарушить запрет отца.

В Кокушкине, небольшом именьице, которое купил доктор Бланк, уйдя в отставку, забот прибавилось — у каждой свои грядки, свои клумбы. И каждый день занятия — языки, литература, музыка.

Часами просиживала Машенька за упражнениями. Зимой это было совсем не просто. Небольшой зальчик, где стоял рояль, плохо отапливался, она зябла, коченели пальцы. Но чем дальше, тем больше и больше влекла ее музыка... Свой час наступал и для гимназических учебников.

Только старшим сестрам довелось брать уроки у учителей, которых приглашали к брату. Это было еще в ту пору, когда отец служил, когда жили в городе. Приглашать преподавателей в деревню он не мог — не по средствам. К закрытым учебным заведениям Александр Дмитриевич относился отрицательно, да и слишком дороги они были. Поэтому и речи не было о том, чтобы отправить дочерей учиться. Несмотря на страстное желание учиться, Мария Александровна должна была ограничиться лишь домашним образованием. Руководила им тетка, владевшая несколькими европейскими языками, методой преподавания музыки.

Не без ее помощи отец заложил в дочерях главное — тягу к знаниям, остальное, считал, сделают воля и упорство. Упорней всех оказалась Машенька, любимица. Она не так тяжело, как сестры, переносила кокушкинское житье. Долгие тоскливые зимние вечера — общения почти не было. Книги из Казани, из библиотеки прибывали нечасто, надо было ждать какой-нибудь ока-

зии. Но когда это случалось, наступал неописуемый праздник.

Слушая материнские рассказы, дети, вероятно, с трудом представляли себе занесенное снегами Кокушкино. Для них в самом этом названии было солнце, лето, Волга, белый пароход — до Казани, лошади, бегущие проселком, большая веселая компания двоюродных братьев и сестер... Все съехались, зазвенел старый дом, старый сад.

Много позже узнали они зимнее Кокушкино. Выслана сюда Анна, выслан [illegible]дцатилетний Владимир. Поселилась здесь и мать с [illegible]ими. Поначалу очень мерзли в выстуженном [illegible]. Потом ничего, обжились. Да и морозы были не [illegible] сильными, но зато разгулялись метели, занесли снегами деревню, дедовскую усадебку, такие сугробы намели, что в городе не вообразишь ничего подобного. Одна узкая дорога в мир — через поля, через глубокие снега, — такая узкая, что лошадь с санями с трудом проходила, а пару надо было запрягать «гусем», друг за дружкой. Тишина, замкнутость. Изредка приезжал двоюродный брат. Гость желанный. Нежеланные наведывались чаще — урядник или сам исправник — обязаны были проверить, на месте ли их поднадзорные, не пропагандируют ли крестьян...

В такой вот тишине и прошла материнская юность. Собеседники, наставники, учителя — их нужно было находить себе в книгах. Правда, Анна и Владимир в отличие от матери острого недостатка в книгах не испытывали. От покойного дяди остался большой шкаф с книгами и подшивками старых журналов. И все равно самым радостным событием был вместительный пещер, корзинка местной работы с библиотечными книгами, свежими газетами, письмами, прибывавшая с какой-нибудь оказией.

Владимир Ильич говорил, что никогда потом, даже в тюрьме в Петербурге, в Сибири, не читал столько, как в год после высылки в деревню. Запойное чтение с раннего утра до позднего вечера. Многое читал из университетской программы, надеясь, что ему скоро разрешат вернуться в университет, читал беллетристику. Но больше всего интересного находил для себя в подшивках «Со-

временника», «Отечественных записок», «Вестника Европы». Статьи по общественным и политическим вопросам. Все лучшее, что было написано в предыдущие десятилетия, было опубликовано в этих журналах. Чернышевский, Добролюбов... Очерки Глеба Успенского, Энгельгардта о том, как живет русская деревня, будившие интерес к экономическим вопросам. Это все было на подходе к Марксу...

И Мария Александровна когда-то все долгие кокушкинские вечера проводила за книгами. Решила сдать экзамен на звание учительницы. Для этого надо было самостоятельно одолеть весь гимназический курс — нелегкая задача. Но воли хватило. Выдержала трудный экзамен, получила желанное свидетельство. Правда, не пришлось ей учительствовать, как мечтала. В тот же год вышла замуж, пошли дети. Но разве пропала в ней учительница? Никогда не жалела она о потраченном труде. Была довольна, что не отступилась от цели, добилась своего. И не только потому, что образованная мать сумеет больше дать своим детям. Это, наверное, прибавило ей уверенности в своих силах, уверенности в жизни (не раз говорила дочерям, что при крайней нужде всегда смогла бы подработать и не быть в тягость мужу, заработок которого был невелик) и того почтения к себе, о коем писал своей жене В. П. Стасов.

Неустанный труд был для нее естествен, как дыхание, и так же естественно входит он в жизнь ее детей. А красный клубок — забавная игра, укорачивающая и делающая незаметным путь к радости, которую человек получает от задуманной и выполненной работы.

Красный клубок разматывается рядом с матерью, сидящей за швейной машинкой, рядом со старшими сестрами, погруженными в свои книги... За стеной занят очень серьезным делом отец — вся жизнь его подчинена делу, важнее ничего нет и быть не может для уважающего себя человека. Наверху трудятся братья.

Дом работает.

Дом воспитывает.

Интересно, что взяла Мария Александровна из отцовского дома, дома детства и юности, в дом собственный?

Наверное, она всегда его вспоминала в дни возвращения Ильи Николаевича из дальних поездок. Дети бежали ему навстречу, окружали, облепляли со всех сторон, каждый хотел обнять, полуобнять, прикоснуться, обратить отцовское внимание на себя. Вот так же и они, девочки, устремлялись к отцу...

Доктор Бланк колесил по Пермской губернии, как Ульянов по Симбирской. Он служил инспектором врачебной управы. Больше всего не терпел он равнодушия коллег и начальства к делу — к больным. Прямой и резкий, не раз вынужден был менять место службы в Петербурге и в провинции. Но его не могли не ценить — врач талантливый, ищущий.

Она любила отца. Дольше других оставалась с ним в Кокушкине. Сестры тяготились деревней. Спешили выйти замуж, с радостью уезжали. Ей Кокушкино не было в тягость, как не были в тягость все строгие требования отца, диктуемый образ жизни.

Поняла их разумность, необходимость. Отличаясь хорошим здоровьем, твердой волей, выдержкой, она и детей своих старалась закалять по методу доктора Бланка. По утрам и вечерам, когда семья оставалась на лето в городе, — непременное купание в Свияге. Сначала в купальню отправлялся Илья Николаевич с мальчиками, потом она с дочерьми... Следила, чтобы дети побольше бывали на свежем воздухе, побольше двигались, следила за режимом. Все не от случая к случаю, вспоминая, что вот это важно и вот это необходимо, а потом пуская жизнь самотеком. Так ведь нередко бывает в родительской педагогике.

В последовательности Мария Александровна не уступала отцу, оценив многие его жизненные правила. Каждый день, изо дня в день... Ее сыновья и дочери не представляли себе жизни без труда, без серьезных занятий. Даже летом в Кокушкине, в череде шумных, веселых, беззаботных дней Саша и Володя нередко уединялись в своей комнате — почитать, подумать, — и все посягающие на эти часы слышали неизменное, сказанное необидно, но всерьез: «Осчастливьте нас своим отсутствием».

Благодаря материнским рассказам и дети прониклись большим уважением к «дедушке», так она называла его, незаурядному неординарному человеку. Не случайно через много лет, познакомившись с рукописью романа Мариэтты Шагинян «Билет по истории», Дмитрий Ильич высказал немало замечаний по поводу страниц, посвященных деду. Александр Дмитриевич был изображен каким-то чудаком и чуть ли не самодуром, гоняющим своих дочек зимой купаться в прорубь. Дмитрий Ильич предполагал, что писательница оказалась в плену неверных сведений, полученных от некоторых двоюродных родственников: не все дочери разделяли его взгляды на воспитание. Например, в семье Анны Александровны дети могли спать до полудня, может, там и слагались легенды про деда, а Мария Александровна была «дочкой своего отца», и правдивый взгляд доктора Бланка очень важен, чтобы вернее представить ее влияние на детей. Так считал Дмитрий Ильич, и замечания верного внука были учтены.

Наверное, и от строгой самоотверженной тетки Мария Александровна унаследовала немало, и доведись Екатерине Ивановне побывать в доме на Московской, осталась бы им довольна. И аккуратностью, и бережливостью: надо было концы с концами сводить — большая семья жила лишь на одно жалованье — стараться, чтобы дети ни в чем необходимом не нуждались, чтобы их духовные запросы были удовлетворены, и тщательным, порой до педантизма, порядком. Никакой безалаберности ни в чем. На сад, например, это тоже распространялось. Дети не совершали раньше времени опустошительных набегов на урожай. Ягоды подавались к столу. Могли они и вольно в свое удовольствие «пастись», но только на специально отведенных кустах и грядках. С остальных же запрет снимался только тогда, когда было сварено на зиму варенье. А три больших вишневых дерева Мария Александровна просила не трогать до 20 июля, до отцовских именин.

Когда заходили знакомые, то очень удивлялись, глядя на усыпанные крупными ягодами деревья — как же не тронули их дети? А дети поражались их удивлению. Им не трудны были материнские запреты. Они не обуздыва-

ли своих желаний, их просто не возникало, и матери не надо было долго объяснять своих требований. Достаточно было просьбы, слова...

Желанные отношения с детьми. Мечта всех родителей так управлять ими. Спокойно скажу — ребенок спокойно выполнит. Если бы... Именно здесь-то и заклинивает нередко семейную педагогику. Мы говорим, а слова — как горох о стену. В лучшем случае дитя кивнет в ответ и сделает по-своему. И в доме бесконечно начинает крутиться пластинка. Говорит мать, как важно быть... Включается в объяснения отец, проникновенно учат уму-разуму бабушка с дедушкой. Ребенка стыдят, ругают. Все летит мимо.

Остановиться бы. Заглянуть ему в глаза, увидеть тоску в них, может, пустоту... Бывает, что и искорка ненависти мелькнет. Вот они, страшные родительские потери. А палка гнется дальше: должен же он понять, обязан же он сделать то, чего от него требуют, и каждое слово, как новый кирпич в стене отчуждения.

СВЕТ ПЕРВЫХ ДНЕЙ И ПЕРВЫХ ЛЕТ

Почему же в доме Ульяновых так хорошо слышали родителей дети?

В ответ на этот вопрос «не выкатится» красный клубок из воспоминаний детей Ильи Николаевича и Марии Александровны — готовый способ, испытанный метод.

Отношения «родители — дети» складываются со дня появления ребенка на свет, ткутся из тонких неуловимых нитей — прикосновения рук, выражения глаз, интонаций голоса. Впрочем, неуловимы они для нас — не для ребенка. Наши просчеты потом откликнутся. И мы будем недоумевать, гадать: где, когда и что сделали не так? Надо любить ребенка, чтобы не просчитаться.

Все любят — вставит, быть может, тут свое нетерпеливое слово тот, кто ждет от педагогических статей, книг открытий, а получает банальные истины. Да, любят все, за очень редким исключением. Равнодушие к своему ребенку — нравственное уродство. Но любовь бывает и слепой, и глупой. Кнут и пряник — это тоже в конце концов разновидность любви и заботы...

Любить ребенка так, чтобы не заглушить его любви к нам. Чтобы и он любил. В ответ? Не в ответ. Он рождается с потребностью любить. Не читая психологов, это можно понять, почувствовать. Ребенок успокаивается при плаче от прикосновения материнских рук, улыбается матери, встревожен — стоит ей отойти, лучится счастьем, когда она рядом. Не разрушить бы этой связи, навсегда бы остаться самым необходимым, самым любимым человеком.

В самом деле, больше всего дает детям учитель, которого они любят. Любят — значит, ловят каждое слово, принимают каждое требование, понимают. «...Ваш прямой долг — добиться, чтобы вас понимали!..» — восклицал Добролюбов, обращаясь к «глубокомудрым» педагогам. В этом, наверное, и первейший родительский долг. Но как добиться понимания?

«Вы для ребенка, а не он для вас, — развивает свою мысль Добролюбов, — вы должны приноравляться к его природе, к его духовному состоянию, как врач приноравляется к больному, как портной к тому, на кого он шьет платье».

Анна Ильинична, вспоминая родительский дом, отмечала, что мать умела поддерживать дисциплину, никогда излишне не стесняя детей. Когда она пишет о годах детства Владимира Ильича, домашней обстановке, в ней проявляется не только биограф, историк, сознающий ответственность за полную достоверность каждого факта, каждого слова, но невольно и педагог — недаром мечтала когда-то под влиянием Писарева стать учителем, да и работала какое-то время после гимназии в школе, — анализирующий педагогические условия воспитания в родной семье.

Но помимо такого разбора, интересно и просто ощущение, вынесенное из детства. «Детство... было светлое и счастливое», — скажет старшая дочь Ульяновых, и младшая несколько раз в разных случаях говорит почти те же слова — о свете, о счастье...

И хочется снова вглядеться в знакомый дом, разобраться, из чего выросло это ощущение, пронесенное через всю жизнь.

Игры? Наверное, и они оставили в душе свет, радость. Во что только не играли у Ульяновых! Дом строгого порядка и дисциплины был домом свободы, раскованности.

Читая воспоминания, так и видишь созданный фантазией свой независимый мир. Мир с таинственной брыкаской. Взрослые сразу бы разглядели в ней Володю в вывернутом наизнанку тулупе, и сразу бы посыпались вопросы: «Зачем ... надел? Зачем вывернул?» Да и при терпимости ... бы спросить: «Кто такая брыкалка?» — и сразу ... рухнуло. В том-то и прелесть, что неизвестно — ... человек, не то зверь. И Оля с Митей затаив дыхание ... появления в полутемной зале. Какой она сегодня ...? Злой? Значит, надо прятаться за занавеску или ... Диван, а то схватит за ногу. Доброй? Тогда можно ее погладить по шерсти, приласкать, поплясать с ней. Ах, какие она выделывает номера!..

Своим миром был сад, который делился на «Черный бор» с зарослями сирени, «Красный бор» — с колючим боярышником, «Желтый» с акацией... В самом глухом углу жили индейцы — Оля и Володя. Оля стерегла жилище — шалаш из прутьев, разводила огонь — посыпала огненными листиками шафрана кучу хвороста, варила на «огне» обед. Володя, вооруженный луком и стрелами, охотился. Уставший, возвращался с добычей, рассказывал о пережитом на охоте. Рычит, ревет, как зверь, с которым ему пришлось схватиться, который исцарапал его, искусал... Очень тяжело досталась охотнику победа, добыча. А еще «белые люди» выследили его, пытались поймать арканом, забрать в неволю... Митя слушает, широко открыв глаза, переживает вместе с охотником разыгравшуюся драму... Мчится на кухню, чтобы добыть для обессилевшего охотника черного хлеба с солью, тщательно заметает следы: белые люди — взрослые — не должны его увидеть, не должны узнать про индейцев.

Белые люди, конечно же, все знали о тайнах — если Володя и Оля задерживались к обеду, мать говорила: «Они на чердаке, играют в индейцев», — в тайны не вторгались. Не мешали играм, а потом не будут мешать поступкам, выбору занятий, делам...

В распоряжении детей был каретный сарай, оставшийся от прежних хозяев, куда не заглядывали взрослые. Здесь они натянули веревку — «канат», учились ходить по нему, смазывая ступни ног мелом, подражая бродячим цирковым артистам, которых видели на Старом венце.

Катались на гигантских шагах, устроенных между сараем и погребом, играли в пятнашки, черную палочку. «Черная палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, того с палочкой пошлет...»

Все, кроме маленькой Маняши, были увлечены солдатиками. Располагались на полу в столовой, промеряли расстояние, и каждый выставлял свою «армию». Саша — итальянцев под предводительством Гарибальди, Володя — американцев во главе с Авраамом Линкольном, боровшимся против рабства негров на Юге Штатов, Аня и Оля — испанских стрелков, сражающихся с Бонапартом. Правда, во время баталии, когда сновал туда и сюда маленький резиновый мячик, убивающий солдат «вражеских» армий, было уже не до исторической достоверности — американцы могли драться с испанцами, испанцы с итальянцами... А солдатиков на подставках делали сами — вырезали из цветной бумаги. Этому научил всех Саша.

Любили играть в шарады. Ушла из нашей жизни эта игра, развивающая сообразительность, мышление, воображение. В ней участвовали и взрослые. Мать и отец умели включаться на равных, как товарищи. Их присутствие, с одной стороны, льстило самолюбию, с другой — под доброжелательными подбадривающими взглядами взрослых легче было блеснуть, отличиться, вырасти в собственных глазах.

Илья Николаевич, жизнерадостный, непосредственный, всегда играл с детьми самозабвенно. Мог устроить веселую беготню с маленькой Маней по дому. Мог играть в жмурки с Олей и ее подругами или в кошки-мышки. А дав наиграться вдоволь, увести всех к себе в кабинет рассматривать вместе гербарии, географические карты. Рассказывал о разных странах, народах, их населяющих.

Он был с ними и над ними, грань, делающая невозможным при равенстве панибратство.

А с каким нетерпением ждали его прибытия в Кокушкине, если он задерживался из-за дел в Симбирске и приезжал позже остальных. Ждали и собственные дети, и все их двоюродные братья и сестры. Ребята все время висли у него на плечах, ловили каждое его слово. «Общий тон детского веселья повышался», — свидетельствует один из представителей кокушкинской детворы. Шутки «Ильи-и-Николаича» (они почему-то считали, что у него два имени) всегда вызывали восторженный визг, гомерический хохот. Но, любя шутить и смеяться, не позволял детям смеяться над людьми. И здесь он, оставаясь товарищем, был наставником.

В лес за грибами, за ягодами Илья Николаевич и Мария Александровна собирали всю кокушкинскую команду, и отец обычно декламировал шутливое двустишие: «Нужно ягод насбирать и детей не растерять». Во время прогулок любили петь, читать стихи. Мать с отцом знали на память очень много стихов Лермонтова, Некрасова.

Счастье, свет детства — любовь и согласие родителей. Дети никогда не видели семейных сцен, ссор, которые всегда наполняют детские души тревогой, страданием, не слышали споров по части воспитания, расшатывающих авторитет взрослых. Перед ними был единый родительский фронт. Они чувствовали, как привязан к матери отец, видели, как нежно заботится о нем она: отец очень устает, отец много работает. Им понятно ее желание оставить папе побольше яблок с «черного дерева», самых вкусных яблок их сада.

В оставшемся от тех дней ощущении радости — семейные праздники, рождественская елка. Праздники у Ульяновых вовсе не были связаны со словом «праздность». К елке начинали готовиться загодя. Большой стол в столовой завален цветной бумагой, разноцветными лоскутками; все дети вокруг стола: Аня с Сашей, Володя с Олей, Митя с Маней — все пары налицо. Под руководством матери и старшей сестры клеют игрушки, «золотят» орехи. Малыши также работают вместе со всеми, учатся, стараются. Все непременно приготовят друг другу сюрпризы.

Елку обычно зажигали в сочельник. В этот день никого не приглашали — собирались семьей. «Но в этом была

своего рода прелесть», — вспоминала позже Мария Ильинична. Так радовались младшие, что в этот день все рядом с ними, и мать и отец, который обычно занят, и старший брат — он сегодня отложил свои книги! Всех ждали подарки... Когда через день-два приходили в гости знакомые дети и елку зажигали снова, тоже было интересно, весело: самозабвенно пели под аккомпанемент Марии Александровны, танцевали — только это был уже другой праздник, который просто нельзя сравнить с первым, семейным. Там не елка доставляла главную радость — любовь, внимание старших. Елка была лишь необычным, праздничным поводом для их выражения.

Родители внимательны к каждому детскому шагу. «Живет у родителей под самым бдительным надзором», — записывает в кондуитном и квартирном списке учеников Володин классный наставник. И Анна Ильинична — помните? — говорила об ульяновском надзоре. Странно сейчас воспринимаешь это слово, словно перевертыш. Может, оттого, что знаешь, как сложится жизнь всех детей. Ведь и полицейские именовали свою слежку именно так — «надзор», и следовал он неотступно за Ульяновыми — гласный, негласный...

Саша задумал выпускать семейный журнал «Субботник», и вся семья с нетерпением ждет очередной субботы, того момента, когда он спустится в столовую с папкой в руках. В ней будут новые Анины стихи. Рассказ Кубышкина — это Володин псевдоним, заметка Абезянкова — кривые карандашные строки. Нетрудно догадаться: Абезянков — Оля. Псевдоним от домашнего прозвища «Обезьянка», так звали ее за невероятную резвость, а орфография... Что поделаешь, сотрудник пока слишком мал.

И старшие и младшие очень оживляются, когда редактор — Саша — доходит до отдела юмора, до карикатур на знакомые семейные сюжеты. Ревущая Оля — «Оля, посылаемая спать». Она всегда всех уверяла, что никогда-никогда не спит, только лежит с закрытыми глазами. Обескураженный Володя с пустым бумажным пакетом — решил угостить товарища в гимназии пирожком, протянул доверчиво пакет, а тот со смехом беспардонно выгреб все содержимое, весь завтрак... Этот отдел с за-

бавными загадками, шарадами вел Саша. Серьезный, задумчивый, проявился неожиданно для родителей веселым шутником и псевдоним выбрал как бы вопреки себе — Вральман.

Роль критика в журнале — какой же журнал без критического отдела? — выпала Ане. Она разбирает в статье произведения предыдущего номера, и больше всех достается Кубышкину за длинный рассказ с разными несоответствиями и неверностями. Мать слушает внимательно и несколько настороженно. На стиле статьи явно сказалось увлечение старшей дочери Белинским — это хорошо, но не слишком ли она остра, язвительна? Не отобьет ли у младших охоту писать? Вон Володя как удивленно слушает, даже перестал вертеться. Хотя он, кажется, и не обижен, но все равно надо вступиться и об Аниных стихах сказать, не очень они ей понравились. Но редактор на страже интересов журнала: в нем необходимы и критика и стихи, а писать их, кроме старшей сестры, некому, и отец Сашу поддерживает.

Недолго просуществовал «Субботник». Одни детские увлечения сменяются другими — вспомним, чем только не увлекались мы в детстве — и это вовсе не говорит о разбросанности. Скорее о естественном стремлении растущего испытать себя во многом, многое попробовать.

Наступали другие субботы в доме на Московской. А те, по словам Анны Ильиничны, остались навсегда в памяти как «апогей коллективной близости» четверых старших с родителями: такое радостное и светлое остави ли они воспоминание...

Каждому, уверена, приходилось открывать для себя удивительную целостность нашего духовного, нравственного наследия. Его воспринимаешь как перекличку голосов, как диалог сквозь время о человеке, его счастье, его назначении на Земле. И знакомство с домом Ульяновых возвращает к размышлениям, которые будили в тебе другие люди той или иной своей мыслью, помогает углубиться в ее суть, или наоборот — ранее зароненная кем-то мысль яснее освещает происходящее в этом доме.

У Достоевского, величайшего признанного психолога, в «Братьях Карамазовых» есть слова, которые, вероятно, многих останавливали, задевали: в них открытие, сделан-

...ое как бы в твоей (это всегда поражает — твоей!) ...жизни, слова о значении какого-нибудь хорошего воспо...минания, вынесенного из детства. Алеша Карамазов го...ворит об этом. Прекрасное святое воспоминание, сохра...ненное с детства, может, самое лучшее воспоминание и ...есть. И если много набрать с собой таких воспоминаний, ...то спасен человек на всю жизнь.

Чем меньше унижений, обид, слез переживает чело...век в детстве, чем больше радостных счастливых мгнове...ний, тем лучше, добрее он, выше, чище.

С этой мыслью смыкается другая, рожденная другим опытом, другим временем. Макаренковская мысль о вос...питании счастливого человека. Понятно, человек должен быть счастлив, иначе в чем смысл жизни, всякого труда? Все во имя человека, во имя его блага, во имя счастья. Воспитать счастливого человека может лишь счастливый человек — утверждает страстный педагог и призывает родителей быть счастливыми, использовать для этого все свои таланты, способности.

Признаться, не сразу доходит эта установка. Ее при...меряешь к жизни, к тому, что видишь, узнаешь из книг, проверяешь своим опытом и опытом опосредствован...ным — и однажды обнажается вся ее глубина. Пример ульяновского дома тоже из таких вот «однажды». Прони...кая в его атмосферу, нельзя не почувствовать: Анну, Александра, Владимира, Ольгу, Дмитрия, Марию воспи...тывали счастливые люди.

Илья Николаевич и Мария Александровна знали счастье творческой энергии, которая свойственна людям, сознающим цель своей жизни, счастье духовной бли...зости, счастье наблюдать за растущим рядом ребенком (не всякий даже подозревает об этом счастье) и помогать ему расти... Расти счастливым. Дети Ульяновых были счастливы: знали счастье ласки, ободряющего слова, счастье понимания, счастье труда и успеха, счастье благо...родного поступка, счастье общения с родителями, обще...ния уважительного, серьезного, когда чувствуешь подлин...ный интерес к себе.

Любящей чуткой матери были интересны все детские рассказы, истории, впечатления — она не относилась к ним снисходительно. Ее спокойствие, готовность выслу...

шать, ее справедливость всегда настраивали и старших и малышей на искренность. Эту черту очень ценил в детях Илья Николаевич, разделяя здесь добролюбовские взгляды на воспитание. Он во многом их разделял, следовал им. «Методами Добролюбова воспитывал Ильича отец», — читаем у Крупской. То, что она, рассказывая о Владимире Ильиче, нередко обращается к его детству, отрочеству, свидетельствует о том, что она много слышала от него и его сестер о родителях, родительском доме как о важной полосе жизни. Родители продолжали жить в детях, и время помогало лишь лучше оценить то, что смогли они дать им, то, как сумели направить их жизнь. Благодаря добролюбовскому отношению к детям, отмечала Надежда Константиновна, была воспитана во Владимире Ильиче крепкая воля, умение к себе и своей деятельности относиться с точки зрения интересов дела, что застраховало его в дальнейшем от мелочного самолюбия, искренность...

Странно на первый взгляд, почему стоит эта человеческая черта, это свойство — искренность — рядом с такими, как крепкая воля, целеустремленность? Ведь искренность — чистосердечность, прямодушие, откровенность. Но что в ее основе? Подумаем. Наверное, доверие к другому человеку — я открыт, потому что верю тебе: поймешь, не предашь. Но еще и доверие к себе, вера в себя — если я уверен в своей правоте, то должен защищать ее, отстаивая, чего бы мне это не стоило. Стержнем достоинства может стать заложенная с детства искренность. Она во многом определит все дальнейшее развитие характера.

Методы Добролюбова, следование методам... А в предыдущей главе речь шла о том, что в семейном воспитании много непредсказуемого, интуитивного, что больше всего воспитывает вся сложившаяся обстановка, все ее едва уловимые нюансы, личность родителей, любовь-недолюбовь, забота-недозабота. Не противоречит ли тут автор самому себе? Ведь только что он выступал против расклада взаимоотношений родителей с детьми, родительского влияния на душу ребенка по полочкам. Что ж, снова могу повторить: семейную педагогику нельзя уподобить аккуратному хозяйству: руку протяну — с нуж-

кой полочки возьму. Но все это никак не противоречит науке, идеям, методам.

Василий Андреевич Калашников, хорошо знавший семью, вспоминал, что Илья Николаевич и его супруга Мария Александровна, отдавая детям все внимание, воспитывали их по последнему слову педагогических наук, тогда, после реформ 60-х годов, «вдруг вошедших» в интеллигентные слои общества. В списке книг, которыми пользовались Ульяновы, списке, составленном Анной Ильиничной, когда создавался дом-музей в Ульяновске, мы видим сочинения Константина Дмитриевича Ушинского, педагога-демократа, основоположника научной педагогики в России. Он выступает за всеобщее обязательное обучение детей обоего пола на родном языке, за открытие народных школ и изъятие их из ведения духовенства. В нравственном воспитании отводит одно из главных мест воспитанию патриотизма, истинного патриотизма, исключающего всякий шовинизм. Патриотизма, который немыслим без гражданского долга, без мужества высказать смелое слово против гнета и насилия, оставшихся в России и после отмены крепостного права. Система нравственного воспитания по Ушинскому исключает авторитарность, строится на силе положительного примера, на разумной деятельности ребенка, на атмосфере товарищества и требует развития активной любви к человеку.

В списке книг — труды выдающегося русского врача и педагога Николая Ивановича Пирогова. Его прогрессивные педагогические идеи, педагогическую деятельность высоко ценили революционеры-демократы А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский...

Здесь же «Педагогическая психология» П. Ф. Каптерева...

Нет возможности подробно изложить педагогические воззрения каждого, но можно сказать, что одно общее было в этих воззрениях — уважение к человеку, к ребенку как к личности. Дух передовой России 60-х годов отражался во взглядах на образование и воспитание.

«...Ребенок, который переносит меньше оскорблений, вырастает человеком, более сознающим свое достоинство», — писал Чернышевский.

«...Если дети не имеют ни силы, ни способов нарушить законы нашей жизни, то и мы не имеем права безнаказанно и произвольно ниспровергать столь же определенные законы мира детей», — утверждал Пирогов.

«В каждом возрасте человек есть настоящий, цельный человек, а не только ступень развития на пути к настоящему полному [illegible]. Но мы, взрослые, мало ценим особенности [illegible] чувства детей и юношей, мало уважаем их [illegible] личность», — говорил Каптерев.

Уважать ребе[illegible]ность для современных родителей. Слышат [illegible] в школе, читают в книгах, педагогических газе[illegible] и журнальных статьях — на уважении к ребенку стро[illegible]вся наша советская педагогика. Вряд ли кто не усвоил — ребенок человек, личность. Ребенок вообще. А своего можно постоянно одергивать: «Не смей так говорить!», «Не смей высказываться!», «Мал еще!», «Не дружи с Петей, дружи с Юрой!», «Слушай, что тебе говорят! Мы лучше знаем... Потом благодарен будешь!».

Если у нас на работе неприятности, мы найдем сочувствие дома. А ребенка порой из-за школьных перипетий — двойки, какого-нибудь горького недоразумения с ребятами или учительской несправедливости — ждут еще большие неприятности дома. Мы можем искренне возмущаться чьим-то бесцеремонным вторжением в чужую личную жизнь, в чужую душу и в то же время грубо влезать в сокровенное своих детей: «Ты что, влюбилась? Этого еще не хватало...»

Вроде бы проходные житейские мелочи. Сколько их может каждый, задумавшись, насчитать в своей воспитательской родительской практике! А каждый подобный «мелкий» случай — посягательство на личность. Посягаем и недоумеваем: мы живем ради него. Ни в чем ему не отказываем. Все даем, все вкладываем в него, разви[illegible]ваем, а у него к нам ни любви, ни доверия, живем, как чужие.

Уважение к своему ребенку — это, наверное, великий талант, природой данный или развитый. Он невозможен без уважения к другим людям, без понимания их, без

душевной тонкости, без синтонности, как сказали бы психологи, — умения настраиваться на волну другого.

Этот талант был у Ильи Николаевича и у Марии Александровны. Они не только разумом принимали идеи прогрессивных педагогов своего времени. Эти идеи соответствовали их нравственной сути, всем представлениям о добре и зле, мелком, высоком, их душевным порывам. Им нетрудно было уважать детей — они не могли их не уважать. Не посягали на их автономию, не внедряли насильно свои требования, якобы из «педагогических» соображений. И дети верили родительским словам, доверяли их ценностям, их пониманию чести, честности, назначения человека. Только при таких отношениях возможен «апогей близости», возможна сама близость. «Чувствуя искреннюю любовь, видя, что их интересы всегда на первом плане у родителей, дети и сами приучились отвечать тем же, — пишет Анна Ильинична. — Дружной, спаянной была наша семья».

И каждый шаг в мир этой семьи, шаг в уверенность — дети здесь могли вырасти только такими, какими выросли. Пятеро революционеров. Могло бы быть шестеро, не оборвись так рано — в девятнадцать лет — жизнь

Ольги, яркой незаурядной девушки. Старшая сестра была убеждена, что из нее, несомненно, вышла бы выдающаяся и преданная революционерка.

Но разве Илья Николаевич был революционно настроенным человеком? Разве Мария Александровна ставила перед собой цель отдать детей революции?

ДВЕРЬ В ЖИЗНЬ

К Илье Николаевичу Ульянову относились с почтением не только единомышленники, ученики. Чиновник министерства народного просвещения, он получал за службу чины, ордена. Благонадежный человек...

До Симбирска дошла весть об убийстве Александра II — он расстроен, надевает мундир, отправляется на панихиду. Не замечает, наверное, что за ним следят глаза среднего сына: почему отец расстроен? И от старшей Анны не ускользает: отец вернулся из собора взволнованным.

Ей 16 лет, Владимиру вот-вот исполнится 11. И событие, которое, естественно, взбудоражило весь Симбирск, и отцовское волнение — повод к размышлению для обоих.

Владимир Ильич рассказывал Надежде Константиновне, что именно после этого он начал внимательно вслушиваться во все политические разговоры...

Дом-оазис не закрыт ставнями от мира, от российской жизни. И нет здесь такого — одно говорится между взрослыми и совсем другое преподносится детям. К ним очень серьезно относились, чтобы не допустить возможности двойной морали. От них никогда не отмахивались присловьем «мал еще», не уходили от их вопросов, убеждая подождать: вырастешь — сам разберешься. Тому осталось немало свидетельств.

Вот Вера Васильевна Кашкадамова, добрый преданный друг Ульяновых, вводит нас в столовую, где все собрались за чаем, и помогает — даже лучше, чем сделали бы это фотографии, — разглядеть семью.

На одном конце стола, на председательском месте, Илья Николаевич. На другом, у самовара, Мария Александровна, рядом с ней малыши. Сыновья, старший и

средний, расположились поближе к отцу. Володя на крайнем месте, на углу. Он в синем аккуратном гимназическом мундирчике с расстегнутой верхней пуговицей, веселый, оживленный, рассказывает что-то смешное из своей гимназической жизни и всех заставляет смеяться. И Оля не уступает ему в веселье и бойкости.

Но вот разговор коснулся серьезных вопросов, и Володя обратился весь в слух и внимание. Гостье, которая удивлена внезапной перемене, кажется, что он даже на стуле уселся покрепче, поплотнее, чтобы ничего не пропустить. Поглядывает исподлобья на говорящих, время от времени бросает замечания: «Гм», «Ну да!», «Нет», «Почему?». И сдвигаются брови. Видно было, что близко к сердцу принимал он, о чем говорили старшие. А когда речь заходила [illegible] либудь несправедливости, не только лицо его [illegible] негодование, но и вся фигура.

Отец иногда усмехнется [illegible] ответ на его реплику, продолжая разговор, иногда [illegible] приостановится, чтобы возразить. Но сын не всегда соглашается, вступает в спор, горячо защищает свое мнение, и тогда отец терпеливо и серьезно объясняет ему непонятное. Здесь всегда свободно и просто вступали в общий разговор, могли спорить с родителями, и родители принимали спор, не отмахиваясь.

Вера Васильевна говорила, что всегда удивлялась Володиному превращению, превращению резвого веселого ребенка в серьезного мальчика, который на глазах становился старше на несколько лет...

Может, это как раз и было после марта 1881 года, после убийства царя. Начинал вникать в жизнь, задумываться, взрослеть.

Отец многое объяснял детям, не только то, что касалось их занятий в гимназии. Поэтому еще с таким нетерпением ждали его возвращений из поездок. Не просто соскучились — много всего накопилось, многое хочется рассказать ему, обсудить с ним.

Едва он вернется, усталость еще не стряхнет, как дети уже окружили его. Он с интересом слушает их, они его. Его рассказы о поездке. В них непременно будут какие-нибудь смешные истории про крестьянских ребяти-

шек, сметливых, сообразительных. Он всегда рассказывает о них с симпатией и юмором. И с озабоченностью о негодных школах, учителях, которые этих детей лишь забивают и отупляют. Многие начальные народные школы числились до приезда Ильи Николаевича в Симбирск лишь на бумаге, в чиновничьих отчетах, а те, что существовали в действительности, ютились в курных избах, церковных караулках, продуваемых сквозняками, или где-нибудь на кухне у священника, а в роли учителей выступали подвыпившие батюшки, малограмотные матушки, исключенные семинаристы... В лучшем случае старшие школьники кое-как читали, не понимая смысла.

В доме Ульяновых дети рано узнали, чем занимается отец, и понимали, какое трудное у него дело — поднимать народное образование. Ради него он замерзает в поездках и голодает и угорает на грязных постоялых дворах... Но никогда не унывает, верит в успех, хотя преграды на каждом шагу. Трудно выбить деньги у земства, убедить крестьянский сход в необходимости построить дом для школы. По бедности, невежеству крестьяне не хотели и боялись учить детей, а помещики, недавние крепостники, тоже чаще всего не желали открытия школ с разумной программой, образованными учителями, опасаясь их политической неблагонадежности.

Сейчас надо просвещать и просвещать народ, вчерашних рабов, все беды народные от темноты и невежества, считает отец. Как он радуется, если удается открыть еще одну новую школу, подготовить новых идейных учителей, которых стали называть ульяновцами. И его жена, дети радуются вместе с ним.

Нет, Илья Николаевич Ульянов не был чиновником в обычном понимании этого слова. Он — идейный работник, борющийся за свои идеалы. Дети с ранних лет чувствовали, как горячо верит отец в силу знаний, добра в людях.

И другое входило в их сознание: дело — нечто высшее, чему подчинена вся жизнь, чему все приносится в жертву — силы, время, личный покой, иначе ничего не двинется. Каждый уважающий себя человек должен служить благородному делу.

Слушает отца старший сын, задумчивый, сосредоточен-

ный. Слушает средний — весь внимание, одиннадцатилетний мальчик в синем гимназическом мундирчике с расстегнутой верхней пуговицей. Пройдут годы, и один из его товарищей по борьбе скажет, что у него были все данные стать видным профессором, гениальным ученым, ибо являлся крупным человеком и сознавал это, но целиком отдал себя, «все сокровища своего гения» революции.

Илья Николаевич был одушевлен освободительными идеями 60—70-х годов. Многие представители передовой русской интеллигенции видят в это время свое назначение в том, чтобы вывести бывших рабов, сбросивших цепь крепостничества, из темноты, заплатить им свой долг. Идти в народ, работать для него...

И для Марии Александровны «служение народу» — не просто слова. Еще до встречи с Ильей Николаевичем решила стать учительницей, упорно готовилась к экзаменам, добивалась желанного свидетельства.

В доме постоянно звучат стихи Некрасова, любимого поэта отца — боль России, боль за Россию... Старшему сыну исполнилось одиннадцать, когда он дал ему свою заветную книжечку — ранний сборник поэта — и обратил внимание на «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда». Саше они очень понравились, и он, не любитель декламации, видно по сдержанности своей, с выражением читал их сестре Ане.

В этой книжечке было много пометок, сделанных рукой отца, и вписанных строк, которые не пропустила цензура. В стихотворении «Поэт и гражданин» восстановлены четыре строки:

...Но молчу. Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..

Эти строки о декабристах...

Позднее отец приобретет детям вышедшее посмертно собрание сочинений любимого поэта. В воспоминания Анны Ильиничны постоянно и органично вплетаются некрасовские строки, значит, были неотъемлемой частью

жизни, источником размышлений... Дети увлекутся «Дедушкой», «Русскими женщинами» — их интерес к декабристам очень велик...

Однажды после возвращения из Кокушкина Аня, выйдя во двор, стала напевать песню, которую очень любил отец. Они не раз пели ее вместе, гуляя в деревне по полям и лесам.

...По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Это стихи поэта-петрашевца А. Н. Плещеева, а на музыку их положили студенты. Отец пел эту песню с каким-то особым воодушевлением, произнося слова будто клятву, и дети так же воодушевленно подпевали ему.

От полюбившейся песни не сразу освободишься. Звучит и звучит в тебе помимо воли. И в Ане, наверное, слова звучали, мелодия, отцовское настроение. Запела, но ее остановила, подозвала к себе мать и сказала, что она может повредить отцу, что враги — они у всех есть — скажут: вот какие запрещенные песни распевают во дворе директора народных училищ.

Запрещенная песня... Запрещенное... Первая встреча с запрещенным. Можно представить смятение, если вспомнить о возрасте — Ане было 13—14, об ее впечатлительности.

В отца незыблемая вера: он искренен, добр, честен, весь отдается делу. И если слова и мысли, которые он принимает душой, запрещены — значит, не все благополучно в жизни.

Не могли Мария Александровна и Илья Николаевич скрывать от детей то, что их волновало, внушать то, чего сами не принимали. Не без влияния старших и средние полюбили поэтов-сатириков, печатавшихся в журнале «Искра», острых, злободневных, бичующих неизжитые черты крепостничества в нравах, высмеивающих бюрократизм, подхалимство, фразерство, обывательщину. Много стихов знают на память, любят цитировать при случае. Курочкины, Минаев, Пушкарев, Жулев — далеко

не всякому сегодня известны эти имена, скорее, даже и не слышали о них. Но на молодое поколение 70—80-х годов эти поэты оказали влияние немалое. Надежда Константиновна вспоминала, что стихи искровцев ходили по рукам, переписывались. Порой их запоминали со слов, не зная точно авторов. Это был как бы своеобразный фольклор разночинной интеллигенции и он учил зорче всматриваться в жизнь, разбираться в людях.

Лучшие произведения русских классиков — Гоголя, Белинского, Тургенева, Толстого, Салтыкова-Щедрина, которые рано открыл детям отец, воспитывали критическое отношение к действительности.

Отец и мать были знакомы со статьями Чернышевского, Добролюбова, печатавшимися в «Современнике» и в «Отечественных записках». К этому придут и дети. Прочтут «Что делать?». Вслед за Александром и Анной берет в руки запрещенный роман четырнадцатилетний Владимир. Далеко не все понял, не оценил как надо. «Это было никуда не годное, поверхностное чтение», — скажет много лет спустя и объяснит, что роман Чернышевского бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло: слишком сложен, слишком много мыслей. Но он вернется к нему, вернется после казни брата — ведь это одно из любимых Сашиных произведений — стараясь постичь мир брата, строй его чувств, все, чем Саша не мог с ним делиться: разница в возрасте была все-таки немаленькой. Потом бы она стерлась, а для юности четыре года — большой разрыв. Владимир просидел над романом не несколько дней — несколько недель, перечитывал и перечитывал его. И Чернышевский, увлекший брата, его тоже «всего глубоко перепахал». Так вошел в жизнь детей Ульяновых Чернышевский — философ, мыслитель и Чернышевский — непримиримый человек, достойно и гордо переносивший тяжелейшую свою судьбу. Ему выпало все, уготованное царизмом для подавления свободолюбивой мысли, — гражданская казнь, каторга...

Своя чаша испытаний ждала и семью, так счастливо пока жившую в доме с садом.

В последних классах гимназии Александр и Анна прочтут собрание сочинений Писарева — «от доски до

доски». Он тоже запрещен в библиотеках, и они берут книги у знакомого врача, к которому нередко при необходимости обращались Ульяновы. До ночи свет не гаснет на антресолях: стараются читать не меньше 50—100 страниц ежедневно, иначе, по Писареву, не станешь начитанным человеком. Писарев увлек, западало каждое его слово. Он смеется над тем, что каждую барышню стараются непременно обучить игре на фортепиано, хотя у нее, быть может, больше способностей шить сапоги, — и Аня отказывается брать уроки музыки. Писарев считает, что каждый молодой человек или девушка должны как можно скорее встать на ноги и не висеть на шее у родителей — и это горячо разделяют дети Ульяновых, тем более что растут без барства, много и сознательно работают. Отец предложил старшим поездку в Москву, на Всероссийскую выставку. Такое заманчивое путешествие! Тем более что в Москве еще никогда не бывали и вообще дальше Казани по Волге не поднимались. К тому же поездки с отцом оба всегда любили. И вдруг Аня от предстоящего удовольствия отказалась наотрез. Объяснила отказ тем, что через год ей и Саше надо ехать учиться в Петербург, родителям это будет стоить немало, так имели ли они право сейчас... Мать пыталась уговорить: «Если папа сам предлагает...» Но она твердо стояла на своем. И Саша — хотя нельзя было не заметить огорчения в его глазах — поддержал сестру.

Последний том Писарева закрывали с сожалением, будто прощались с человеком, от которого трудно уйти, оторваться, — столь велико обаяние молодого критического ума. Отрицает существующий строй, выступает против деспотизма, высмеивает либерализм... Во взглядах Писарева Александр находит подкрепление своей любви к естественным наукам, своему увлечению. И наверное, не мог не принять его размышления об умных людях, и о том, что жизнь человека ограниченного течет ровнее и приятнее жизни гения или просто умного человека. Потому что умные люди не уживаются с теми явлениями, к которым без труда привыкает масса... Молодой Писарев призывает ничего не брать на веру, проверять все теории и авторитеты критикой, требует самостоятельности мышления.

Все это волновало, переживалось остро, как все переживается в юности. Ничего не брать на веру, размышлять... И с болью размышляли о судьбе кумира. Не прожил и двадцати восьми лет. И четыре с лишним из них провел в Петропавловской крепости. Однажды Саша рассказывал сестре о гибели Писарева. Аня была глубоко возмущена, неужели это правда, что жандарм, следивший за Писаревым, видел, как он тонет, и намеренно никого не позвал на помощь?! Саша шел рядом — они гуляли по саду — задумчивый, сосредоточенный, сдержанный, как всегда, и только по мрачному виду можно было определить, как он сильно переживает...

Может быть, именно об этом своем потрясении вспомнит он, готовясь к речи на суде. Ведь он скажет судьям, что уже в ранней молодости возникло в нем смутное чувство недовольства существующим строем. И это чувство, все более и более [illegible] в сознание, привело к убеждениям, которые [illegible] ему в подготовке покушения на царя.

Читает Писарева и Владимир, читает вслед за старшими. И наверное, тоже приучает себя читать много, быстро. Самообразование, самовоспитание — это было заложено в ульяновских детях всем образом жизни семьи.

Сколько же лет спустя это будет? Десять, одиннадцать? Енисей — путь к месту ссылки — колесный пароходишко, десятиместная каюта.

Ольга Борисовна Лепешинская, направляющаяся тоже, как и Ульянов, в Минусинский округ, обратила внимание на то, как он читает в шумной каюте. Она успевала прочесть 5—6 строк, как слышала шелест страницы рядом...

— Владимир Ильич, вы читаете или только просматриваете книгу?

— Конечно, читаю. И очень внимательно.

— Но разве можно так быстро читать?

— Вы правы: я читаю быстро. Но так надо: мне необходимо очень много прочесть. Медленно читать мне никак нельзя...

Он работал над «Развитием капитализма в России». Упоминает, цитирует в своем научном труде свыше

500 книг, сборников, исследований, обзоров, статей. А литература, изученная им, но не вошедшая в перечень упомянутых источников, во много раз больше...

Мать и отец знали, какие книги читают подросшие дети, и не могли не отдавать себе отчета в том, как это скажется, сказывается на их умонастроении.

Ну а как же отношение отца к Александру II, панихида, его переживание? Как это объяснить?

Юность, студенческие годы Ильи Николаевича пришлись на тяжкие времена царствования Николая I. Помещики могли сечь своих крепостных, продавать, отправлять на каторгу. И это участь большей части населения России. То там, то тут вспыхивали бунты против особенно зверствующих крепостников. Бунтари, если и оставались живы, вынуждены были [illegible] в леса, необжитые степи, заниматься разбоем.

Бесправие народа, унизительное положение низших сословий, которого не знало ни одно европейское государство, не могло не возмущать передовых людей России. Они требовали отмены крепостничества, демократического начала в управлении, свободы слова...

У многих на памяти еще была участь декабристов — события на Сенатской, расправа. Участь петрашевцев...

Душилось всякое проявление свободолюбивой мысли. 1848 год, год волны революций в Европе, усилил «бдительность» самодержавия. Николай I готов был бросать русских солдат на подавление бунта в других странах — пусть льют кровь — только бы опасная европейская «зараза» не проникла в Россию.

Этот гнет испытывали на себе все слои общества. Анна Ильинична, размышляя о становлении отцовского мировоззрения, писала, что студенческая молодежь лишь в тесных кружках решалась отводить душу разговорами и петь запрещенные песни... Те самые песни, которые потом услышат от Ильи Николаевича его дети, гуляя с ним по кокушкинским лесам и полям...

Пережив гнетущее царствование Николая I, нельзя было не вздохнуть облегченно после его смерти. Россия вступила в полосу перемен, ликованием встретила отмену крепостного права. Революционеры-демократы вскоре обнажили истинный смысл преобразований, показали, чьи

интересы они защищают. Но для Ильи Николаевича Александр II остался царем-освободителем. Как и многие представители передовой русской интеллигенции, он радовался наступившим переменам, радовался появившейся возможности служить народу, просвещать крестьянство, только что сбросившее путы крепостничества. Перед ним открылось действительно широкое поле деятельности.

Не случайно его любимым собеседником была племянница Марии Александровны — Анна Ивановна Веретенникова, одна из первых в России женщин-врачей. Ведет нескончаемые беседы с ней в Кокушкине. Их связывают общие интересы, общие заботы — деревня, крестьяне, земство, школа, врачебная помощь...

Однажды она рассказала Илье Николаевичу о своей знакомой учительнице, молодой народнице, которая учила детей и вела беседы среди крестьян, пробуждая их сознательность, вызывая доверие, любовь к себе. В результате — донос, обыск, арест...

Веретенникова рассказывала об этом отцу во время прогулки, и Аня шла рядом, внимательно вслушивалась. Остался в памяти идеальный образ самоотверженной девушки-народницы, и горячий, возмущенный тон рассказчицы, которая повторяла, что ничего антиправительственного в деятельности ее знакомой не было, и сосредоточенное молчание отца. И потом на расспросы дочери об этом случае не отвечал, все больше отмалчивался...

Отец не мог приветствовать террора, предчувствуя, что после убийства царя-освободителя настанут другие, более суровые времена. Так оно и случилось, так и было. Наступившая реакция сказалась и на его деятельности.

Илье Николаевичу было уже далеко за сорок, здоровье сдавало. Волновался за судьбу детей — успеет ли всех вывести в люди? — хотел уберечь их, оградить от опасности. И в отличие от старших следующим детям «никакого подчеркиванья в смысле общественных идеалов не делал». Во всяком случае, именно так утверждает Анна Ильинична, которую можно назвать главным семейным биографом.

Не делал «подчеркиванья». Но сколько уже заложил

родительский дом в детях! Представление о честности, чувство долга перед народом, идею служения ему...

Рецензируя рукопись романа о семье Ульяновых, младший сын пишет, как увлечен был отец делом народного образования — во всем чувствовалась его любовь к народу, забота о нем, как воодушевляло это всю семью и заостряло внимание детей на тяжелой доле мужика-крестьянина и вообще всех трудящихся. «Это — основное, самое главное в семье Ульяновых, — подчеркивает Дмитрий Ильич. — Без учета этого влияния отца на детей нельзя вообще понять эту семью. Нельзя понять, почему за старшим сыном, сложившим двадцатилетним юношей свою голову на эшафоте, следующий сын Владимир с большей вдумчивостью и с большей обстоятельностью решительно встал на революционный путь...»

Родительский дом. Точка отсчета самостоятельного пути детей. Каким он будет?

Мы чаще всего считаем, что [illegible] даем детям. Стараемся, чтобы они ни в чем не нуждались, заботимся об их физическом развитии, печемся об их знаниях — вернулось даже в жизнь забытое слово «репетитор». Порой прагматично высчитываем их судьбу, бросаем все силы на осуществление замыслов. Своих замыслов, ибо отнюдь не уверены, что они лучше нас распорядятся собственной жизнью. Потом страдаем от их упреков, неблагодарности, потребительского к нам отношения. Не устаем повторять: «Дали им все!» Но может, это только кажется по слепой родительской любви? А если разобраться — не дали самого главного — веры в себя, уверенности в своих силах, воли, достоинства. И нередко их благие желания сами же разбивали об опасный камень преткновения родительской педагогики. Этот «камень» еще Ушинский открыл, обнаружил: «Два желания, часто противоположные, борются в душе каждого отца и каждой матери; они желали бы видеть в детях своих все нравственные совершенства, но в то же время желают им таких успехов в жизни, из которых некоторые не всегда ладят с нравственными совершенствами».

Воспитывая в детях честность, искренность, достоинство, Мария Александровна и Илья Николаевич никогда не мешали проявлению этих чувств, не посягали на них.

— Ты нынче ко всенощной пойдешь? — спрашивал отец Сашу и слышал твердое «нет».

Вопрос через несколько дней повторяется — и повторяется «нет». Отец перестал спрашивать, хотя его, человека верующего, не мог не огорчить отказ, уход старшего сына от веры. Да и небезопасно это. В России, где так сильна и влиятельна была православная церковь, неверие все равно что неблагонадежность.

Как-то к Илье Николаевичу зашел в гости знакомый педагог, и он поделился с ним своим огорчением: дети плохо посещают церковь. Это слышал Владимир, а когда проходил мимо отцовского кабинета, то гость, взглянув на него, сказал с улыбкой: «Сечь, сечь надо». Слова эти были как сильный толчок. Все, что долго копилось внутри, обрастало сомнениями в минуты раздумий, переполняло, вдруг вырвалось, вылилось в мгновенный решительный поступок. Володя — ему в ту пору было пятнадцать лет — выскочил во двор, сорвал с шеи крест и бросил его на землю.

Сыновья любили, уважали отца, во многом следовали ему. Но они были детьми другой эпохи, эпохи Черны-

шевского, Писарева. Эта эпоха, по словам Надежды Константиновны Крупской, воспитала умение критически относиться к действительности, людям, умение глядеть правде в глаза, величайшую трезвость мысли.

Они видели, что дело, которому отец отдал все силы, сводится насмарку. Правительство больше не устраивают земские школы, оно насаждает церковно-приходские, находящиеся в ведении священников. Так спокойней. И образование отныне должно сводиться лишь к закону божьему, письму, счету. Сообщать учащимся разные сведения об окружающем мире — излишне, небезопасно. К деятельности просветителя Ульянова тоже начинают относиться подозрительно. Реакция всюду наступает...

По выслуге 25 лет Илья Николаевич подал прошение — так полагалось — разрешить ему остаться на службе еще на пять лет. Но несмотря на огромные заслуги, оставлен всего лишь на один год. Это надо было понимать однозначно: неугоден! Как тяжело для такого человека остаться не у дел, оставить большую семью без заработка. Потом, правда, когда произошла замена министра народного просвещения, пришло разрешение на пятилетие, но вот и отпущенный срок уже истекает, и снова неизвестность — нужен ты или не нужен, угоден — неугоден...

Сжалось сердце у старшей дочери, когда она, направляясь домой из Петербурга на рождественские каникулу — уже была студенткой Бестужевских курсов, — сошла с поезда в Сызрани и увидела отца. Он совершал свою очередную поездку и встретил ее, чтобы отправиться дальше вместе, на лошадях. Измученный, сильно постаревший, и настроение у него какое-то подавленное, даже встреча с дочерью не оживила, с горем рассказывал о делах, об открывающихся церковно-приходских школах...

Нет, для детей уже невозможен путь отца. Нельзя верой и правдой служить народу, не ломая существующих устоев. И блистательный студент Александр Ульянов, которому все профессора пророчат большое будущее в науке, готовит заговор против царя, прекрасно понимая, чем это может кончиться. «Реакция, — скажет он на суде, — действует угнетающим образом на большинство;

но меньшинству интеллигенции, отнимая у него последнюю возможность правильной деятельности, правительство указывает на тот единственный путь, который остается революционерам, и действует при этом не только на ум, но и на чувство». Эти слова сказаны человеком, знавшим на что он идет.

Знал ли отец о революционных настроениях сына?

Летом вся семья собралась вместе. Это было в 1885 году. В последний раз они все вместе. Зимой на каникулы приедет только Аня: Саша спешит закончить научную работу. Через несколько дней после ее приезда не станет отца. А еще через год с небольшим — Саши.

А пока жизнь течет, как всегда. Кажется — как всегда. Ходят на Свиягу в жаркие дни, играют в шахматы во второй половине дня (в первой половине Саша, как обычно, занят), устраивают чаепития в беседке — мальчики несут самовар, девочки посуду.

В один из дней все куда-то удалились, и дома остались только отец, Саша и Митя. Но его не замечают. Отец с братом гуляют по средней аллее сада и о чем-то тихо и очень сосредоточенно говорят. Истомившийся от одиночества Митя пытался было напомнить о себе, вклиниться в разговор, чтобы перейти к чему-то общему, веселому, но потом вгляделся в лица старших и понял: обсуждается что-то важное, мешать нельзя.

Вспоминая этот летний день из детства, Дмитрий Ильич все больше и больше убеждался, что разговор, поглотивший отца и брата, был на политические темы. И был не случайным, не единственным. Сестры поддерживали его в этом убеждении. У Ильи Николаевича со старшим сыном были самые близкие, товарищеские отношения. Его всегда интересовали все Сашины переживания, раздумья. Поэтому просто нельзя допустить, что он скрыл от отца то, что его больше всего волновало, скрыл свои политические убеждения.

Предположения Дмитрия Ильича подтверждали и слова, которые сказал Илья Николаевич уезжавшей в Петербург Ане: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас».

Дети шли своей дорогой. Илья Николаевич не доживет до страшной вести, которая придет в Симбирск весной

1887 года: Александр Ульянов арестован, обвиняется в подготовке покушения на царя...

«Значит, он должен был поступить так, — скажет семнадцатилетний Владимир, потрясенный, сразу как-то повзрослевший, — он не мог поступить иначе».

СЕМЕЙНОЕ

Владимир Ильич Ленин был очень похож на отца — отмечают близкие, знакомые, все, кому довелось видеть отца и сына рядом. В отца вышел лицом и сложением, унаследовав его рост, его широкие скулы, высокий лоб. Унаследовал и живой характер, веселый, общительный нрав. Смеялись одинаково заразительно. «Ух, как он умел хохотать. До слез», — писала о Ленине Крупская, отвечая в 1935-м на анкету Института мозга. И Илья Николаевич смеялся безудержно, [illegible] руками, не в силах остановиться.

Сын, как и отец, умел ограничиться в быту самым необходимым. Не любил тратиться на себя, привыкая к вещам, не желая с ними расставаться. Впрочем, можно сказать, что в равной степени это шло и от матери, от Марии Александровны. Дочерям обычно очень трудно было уговорить ее купить себе что-то новое, сшить. Неизменно отказывалась — обойдусь: дети были на первом плане и думала только о том, что в первую очередь сделать для них.

От матери унаследовал он редкую пунктуальность и редкую аккуратность. Как помогли они ему потом в напряженнейшей жизни! Надежда Константиновна считала, что талантом организатора Владимир Ильич в значительной мере обязан матери. Прекрасно организованный дом, прекрасно организованная жизнь большой семьи... Мария Александровна успевала не только вести хозяйство, воспитывать детей, заниматься самообразованием. Она была еще и попечительницей женского двухклассного училища, часто посещала его, занималась с ученицами рукоделием.

Товарищи Владимира Ильича, которые были знакомы с Марией Александровной, говорили, что природа его обаяния, умения располагать к себе, способность созда-

вать легкую благожелательную атмосферу становились понятными при общении с матерью.

Мария Ильинична рассказывала, как принимал Ленин ходоков в Кремле. При этом образно живописала их, стоящих перед кабинетом главы Советского правительства. Держали шапки в руках, переминаясь с ноги на ногу, на лицах — смятение. С одной стороны, радовались предстоящей встрече, с другой — смущались: как-то примут, что скажут? Встали в очередь перед тем, как войти, впереди — самый старший...

А через некоторое время можно было наблюдать в кабинете такую картину: Владимир Ильич чему-то громко смеялся и вместе с ним смеялись крестьяне, словно задушевный разговор снял с них все тревоги, волнения, заботы.

Материнское обаяние было, конечно же, помножено и на отцовское. Эпизод, который зафиксировала память Марии Ильиничны, напоминает многие рассказы об Илье Николаевиче Ульянове — инспекторе, а потом директоре народных училищ, — рассказы сподвижников...

Приходя в класс, садился где-нибудь сзади на скамейке рядом со школьниками. Те ребята, которые уже знали об этой инспекторской привычке, при его появлении начинали подвигаться, наперебой приглашая начальственного гостя сесть рядом. А после звонка он всегда оказывался в плотном кольце детей. Они протягивали свои тетрадки, чтобы он порадовался их успехам, что-то рассказывали наперебой. Как-то на уроке Веры Васильевны Кашкадамовой одна девчушка с первой парты на четвереньках пробралась к последней, чтобы показать «дилехтору» свою работу.

Как многое берет человек от родителей! Сейчас мы любим произносить с ученым видом «генетика», «генетический код». А раньше говорили: «Это фамильное». От рода. И истоки многих черт характера детей кроются отнюдь не в генетических законах — в образе жизни семьи, сложившейся системе ценностей, системе отношений с людьми, к людям. Поэтому при несхожести внешней, различии темпераментов, характеров в детях Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульяновых было немало общего.

У всех отмечено особое обаяние. Видимо, оно от огромного интереса к человеку, кем бы он ни был, от редкого — тоже фамильного — умения слушать, слышать. Почему это считается умением, что тут, казалось бы, вообще уметь? Стоит однажды проконтролировать себя — слушаем ли, слышим ли мы самых близких наших — детей? Даже если не отмахиваемся от них вечным «некогда», то, сидя рядом и «педагогично» изображая внимание, отключаемся нередко от их рассказов, уносясь мысленно к своим заботам, делам, и не замечаем, как они умолкают. Нам кажется, мы много с ними разговариваем, а на самом деле лишь произносим увещевательные речи и хотим зачастую лишь одного, чтобы нам не возражали (некогда нам спорить и переубеждать!), приняли слова сразу на веру. А человеку иногда важнее всего, чтобы его выслушали. И не нужно [illegible] ответных слов: он и в глазах способен прочесть одобрение и примет его ближе к сердцу, если в тех же глазах заметит интерес к себе, к своим проблемам.

Отвечая на вопросы уже упомянутой анкеты Института мозга, Надежда Константиновна рассказывает поразительный случай. Владимира Ильича после болезни посетила делегация от рабочих. Потом все участники встречи делились своими впечатлениями и все рассказывали, как говорил с ними Владимир Ильич. В действительности же он не говорил, он только слушал.

Уважение, внимание к человеку, признак истинной интеллигентности, были естественны для всех Ульяновых: с раннего детства они не знали другого. В Кокушкине видят мать среди крестьян — не пройдет Мария Александровна по деревне, чтобы не остановиться с встретившимся человеком, не расспросить о жизни, о детях. По вечерам к ней часто заглядывали деревенские женщины, которые помнили ее еще девочкой и девушкой, то посоветоваться о чем-нибудь, то ребенка показать: приболел что-то, не поможет ли докторская дочка? Помогала чем могла. Ее очень любили в деревне и многие по старой памяти звали Машенькой. Когда в 1922 году крестьяне Кокушкина обратились к рабоче-крестьянской власти с просьбой открыть в деревне школу «грамотности и ремесла», они тут же просили еще об одном — назвать

эту школу именем матери Ленина — Марии Александровны.

Илья Николаевич тоже снискал глубокое уважение кокушкинских крестьян. Заходил нередко в их избы, присев на завалинке, подолгу беседовал с ними. Относился к ним как к равным себе — и они не могли этого не чувствовать.

Дома знали, сколько заботы проявлял отец о детях чувашей, мордвин, самых бедных, забитых инородцев, о том, чтобы они могли учиться. И это при самодержавном политическом угнетении народов других национальностей, при обывательском [illegible] к нацменам, которое так явно проявлялось в многоязыковом Поволжье, в Симбирске. Дети унаследовали отцовское сострадание, особый долг перед людьми, которых правительство сознательно обрекало на еще большую темноту, чем русское крестьянство, на беспросветное невежество.

Не случайно в старших классах гимназии у Владимира появился ученик — Никифор Охотников, чуваш по национальности. Он был на десять лет старше своего репетитора, сам уже учительствовал в Симбирской чувашской школе. Обладая большими способностями к математике, самостоятельно изучил ее в объеме гимназии, очень хотел заниматься ею дальше, но для поступления в университет надо было сдать экзамены за гимназию по всем предметам, в том числе по словесности, по древним языкам — греческому и латыни. И Володя взялся его подготовить. От обычной в то время платы за уроки отказался, хотя отнюдь не лишними были в семье, только что потерявшей отца, даже небольшие деньги. Вынуждены были в то время сдать половину дома постояльцам — пенсии не хватало на жизнь, да и назначена она была не тотчас — жили куда теснее, чем прежде, но занимался Володя с учеником дома, регулярно, через вечер.

Охотников сдал экзамены за гимназию в один год с Владимиром Ильичем и поступил в университет.

Отношение к другим народам, другим национальностям, воспитанное с детства, повлияло на всю деятельность Ленина-революционера, Ленина — главы государства.

Ульяновское, семейное... Во взрослых детях прогля-

дывает отцовское отношение к делу: дело — нечто высшее, чему должна быть подчинена вся жизнь.

На VIII конгрессе II Интернационала Ленин вел бой против оппортунистического засилья в русской секции конгресса. Ему было очень трудно, наживал врагов, но не сдавал позиций, не шел на компромиссы, уверенный в своей правоте. «Он губит партию!» — раздавались возмущенные голоса. И когда одна большевичка спросила яростного оппонента, меньшевика Дана, как же один человек может погубить партию, он ответил: «Да потому, что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним!»

Наверное, только сильная, сплоченная семья, где все любят друг друга, может отразиться в характерах, взглядах, нравственном облике детей похожими чертами.

Как-то довелось окунуться в большой поток редакционной почты, пришедшей на конкурс «Чем семья крепка». Письма рассказывали о сотнях и сотнях замечательных семей, как правило, больших, многодетных, где домом правят согласие, заботливое отношение друг к другу. И что интересно, читатели нащупывали, открывали некую закономерность: любовь в семье тесно связана с любовью к другим людям. Многие размышляли о том, что изначально. Здесь, правда, мнения расходились: в чувствах не всегда выстроишь логическую цепь доказательств. Важно данное: единство крепких высоких родственных уз и уважения к человеку вообще.

Открываешь 55-й том Собраний сочинений Владимира Ильича Ленина, «Переписку семьи Ульяновых», изданную отдельной книгой, и пробивается сквозь большой уже пласт времени живой ток жизни семьи — волнения о близких, разные просьбы друг к другу, на которые откликались тотчас, отложив собственные дела.

Лаконичные письма Саши из Петербурга. Бережет время, не тратится на многословие. Сказывается его обычная сдержанность, его углубленность в занятия — с головой ушел в науку. И тем не менее не забывает о книгах, которые просит его купить Володя, посылает книги от-

...у. Спокойный интеллигентный тон семейной переписки ...е оставляет места для излияния чувств. Чувства в самом ...акте письма, в конкретной заботе. И вдруг такая пронзительная нежность вырывается из Аниных строк Саше: «Лучше тебя, благороднее тебя нет человека на свете. Это не я одна скажу, не как сестра; это скажут все, кто знал тебя, солнышко мое ненаглядное!» Она пишет ему в Петропавловскую крепость. Нет сомнения, предложили бы ей поменяться с братом участью, поменялась бы не размышляя.

И он в эти дни — представишь ли их тяжесть! — думает о ней, сестре, ближком своем друге: «Я пред тобою бесконечно виноват, дорогая моя Анечка; это первое, что я должен сказать тебе и просить у тебя прощения. Не буду перечислять всего, что я причинил тебе, а через тебя и маме: все это так очевидно для вас обеих. Прости меня, если можно.

Твой А. Ульянов».

Письмо написано 26 апреля. Уже вынесен приговор...

Все в семье бережно относились друг к другу. И беды — беда, как известно, не ходит одна — обостряли чуткость.

Оле неполных 20. Живет вдали от дома в Петербурге, безмерно занята, учится на Бестужевских курсах, где как раз наступила пора весенних экзаменов, но нашла время все разузнать о сроках экзаменов в университете: Володе наконец разрешили сдать экзамены экстерном за юридический факультет (на каждый шаг Ульяновы должны были получать позволение в официальных инстанциях, которые, в свою очередь, непременно сносились с департаментом полиции). А когда брат приехал, Оля пишет матери письмо за письмом, сообщая все подробности его жизни — какую снял комнату, тихо ли в квартире, удобно ли будет заниматься. Понимает, как трудно матери, потерявшей сына, отпускать детей от себя, как тревожится, несмотря на восхищающее всех мужество, за каждого из них, потому спешит ее успокоить. Уверяет, что ее волнения напрасны. Володя не надорвет здоровья. Он олицетворенное благоразумие. Ночами спит, не сидит за

книгами, и каждый день ходит обедать, следовательно, прогуливается...

Заботливый, славный, милый человек... Ее очень любили все окружающие — в гимназии, на курсах. Письма о брате были последними ее письмами. И весна та была последней. Собиралась на каникулы домой. Спрашивала в письме к сестре, будут ли они жить в Алакаевке — если будут, то она, может быть, пригласит одну курсистку из Иркутска, потому что «на лето ей некуда ехать, если не найдет урока».

С детских лет на всю жизнь осталось в них неизменным это ульяновское стремление прийти другим на помощь, сделать это ненавязчиво, незаметно.

Оля и Во[illegible] пораньше в гимназию, чтобы помочь кому-то [illegible] перевод, объяснить решение задачи. И [illegible] ученик и первая ученица никогда и ни[illegible] своего превосходства. Свой завтрак [illegible] можно делит с пансионерами — с товар[illegible] жили не дома и нередко недоедали. В [illegible] кто-то из них позовет к себе домой. Мария А[illegible] с неизменным радушием встречает всех [illegible] детей — напоит чаем, угостит рассыпчатым печ[illegible]. Так было в пору их детства, так будет всегда до последних ее дней.

В каждом из них обнаружишь истинную доброту, которая проверяется только одним — умением делиться последним. У Александра Ульянова было две золотые медали — за окончание гимназии и за студенческую научную работу. Одну он заложил, чтобы помочь нуждающемуся товарищу, другую — чтобы купить азотную кислоту для общего дела — для приготовления бомб...

Можно бесконечно рассказывать об отношении Ульяновых к людям, о нежности друг к другу, о заботе всех о каждом, о том, как крепла их близость.

...Сколько книг переносила в тюрьму старшая сестра, где 25-летний брат начал свой большой научный труд «Развитие капитализма в России»!. Сколько книг разыскивала в библиотеках и отправляла в Сибирь, в Шушенское, где он продолжал работу. Взяла на себя кропотливейшую подготовку рукописи к печати, корректуру... Анна Ильинична Ульянова стала активнейшим деятелем

социал-демократической партии, ее революционного крыла, которое возглавил Ленин. Младшая сестра тоже стала верным его соратником. «С самых детских лет я испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе с своего рода поклонением, точно это было существо какого-то особого, высшего порядка, — пишет Мария Ильинична. — И если я позволяла себе капризы и непослушание с другими, то от всего этого не оставалось и следа, если я только подозревала, что Владимир Ильич может меня видеть или слышать...

Я думаю, что такой полный авторитет он завоевал себе благодаря высоте своего нравственного облика. Дети ведь очень чутки к тому, чтобы слово не расходилось с делом, чтобы взрослые не оперировали с двоякого рода моралью: одною, применяемою к детям, а другою — к себе...

Возможно, что моя привязанность к Владимиру Ильичу усугублялась еще тем, что я перенесла на него любовь к отцу, который умер, когда мне еще не было восьми лет».

Брат и наставник. Он не мог, изучая что-нибудь, открывая, не делиться с другими. Уже в юности умел убеждать, увлекать. В Казани, в доме Орловой, в маленькой кухне, которую облюбовал для занятий, сидя на устланной газетами плите, 18-летний Владимир с большим жаром рассказывает Анне о теории Маркса, о новых горизонтах, которые она открывает. Через несколько лет увлечет марксизмом, социал-демократическими идеями младших брата и сестру.

Когда по дороге в ссылку Владимир Ильич задержался на несколько дней в Москве — поработать в библиотеке Румянцевского музея, — Маняша каждое утро отправлялась вместе с ним, чтобы помочь сделать необходимые выписки из книг. И потом постоянно работала в библиотеках по его указаниям, радовалась, когда удавалось чем-то помочь. Уехав учиться в Брюссель, следит за периодическими изданиями, которые его могут заинтересовать, отправляет в Шушенское газеты, журналы...

Она была преданной и самой нежной на свете сестрой. До конца его дней. Оставила нам немало строк об Ильиче. Рассказывала о том, как многое Владимир Ильич унасле-

довал от матери. Так же, как и она, серел лицом, волновался и мучился, если ему казалось, что недостаточно позаботился о ком-то из близких или товарищей, недостаточно хорошо устроил. Кто был знаком с Марией Александровной, понимал, откуда идет сердечность Ильича. Она умела заботиться не только о детях, проявляя эту способность в любой мелочи. Собирается куда-нибудь в дорогу — складывает в мешочек нитки, пуговицы, иголки. Ей самой не надо так много, но вдруг кому-то из путчиков что-то понадобится, можно всегда выручить. Готовя передачу в тюрьму детям — нередко приходилось ей этим заниматься, — старалась сделать столько пирожков, столько котлет, чтобы всем соседям по коридору — у арестованных иногда бывает возможность видеться друг с другом — хватило хотя бы дня на два. И как расстраивалась, если заключенных оказывалось больше, чем при последнем свидании, — ее расчеты не удались!

МУЖЕСТВО

Кажется, жизнь все время проверяла на прочность материнское мужество, материнскую стойкость. Первая непоправимая беда пришла в семью в январе 1886 года.

За несколько дней перед этим Илья Николаевич вернулся из очередной нелегкой поездки. Вернулся вместе с Аней, встретив ее в Сызрани. Занемог, но не оставил работы: надо было поспешить с годовым отчетом. И в тот день с утра работал с одним из своих помощников. От обеда отказался, а когда семья была в сборе, появился в дверях столовой, обвел всех долгим взглядом. «Точно проститься приходил», — не раз говорила потом Мария Александровна.

«...Да поможет господь супруге его, пользующейся заслуженной известностью образцовой матери, выполнить с успехом великое дело воспитания и образования оставленных на ее попечение детей», — писала в некрологе симбирская газета. Поможет ли? Не убавит горя и ничего не прибавит к скудной вдовьей пенсии.

Как поднимать одной шестерых детей? Младшей нет еще и восьми. Как дать всем образование? Иного она

...о мыслила: они с мужем когда-то это решили. Вся надежда ее была на Сашу. Он помогал младшим. Вот скоро окончит университет... Да и Ане недолго уже учиться на Бестужевских курсах.

Рана еще не затянулась — год с небольшим прошел — известие из Петербурга: Александр и Анна арестованы. Сын обвиняется в подготовке покушения на царя. Не колебалась, не размышляла — ехать, немедленно ехать к ним!

Мать понимала: сыну грозит страшное, но в душе надеялась на лучшее. Ведь покушение не состоялось! Она напишет прошение царю, не может он ее не услышать, не снизойти.

«Милости, государь, прошу! Пощады и милости для детей моих».

Милости? В прошении — открытая материнская боль, отчаяние, но ни капли верноподданического подобострастия, униженности.

«Старший сын Александр, кончивший гимназию с золотой медалью, получил медаль и в университете.

...Сын был всегда... глубоко предан интересам семьи и часто писал мне. Около года назад умер мой муж, бывший директор народных училищ Симбирской губернии. На моих руках осталось шесть человек детей, в том числе четверо малолетних. Это несчастье, совершенно неожиданно обрушившееся на мою седую голову, могло бы окончательно сразить меня, если бы не та нравственная поддержка, которую я нашла в старшем сыне, обещавшем мне всяческую помощь и понимавшем критическое положение семьи без поддержки с его стороны.

Он был увлечен наукой... В университете он был на лучшем счету. Золотая медаль открывала ему дорогу на профессорскую кафедру, и нынешний учебный год он усиленно работал.., чтобы скорее выйти на самостоятельный путь и быть опорой семьи...

Я свято верю в силу материнской моей любви и сыновней его преданности, — писала Ульянова, — и ни минуты не сомневаюсь, что я в состоянии сделать из моего несовершеннолетнего еще сына честного члена русской семьи...»

К боли царь оказался глух. Достоинство сильно его

раздражало. Но свидание разрешил, чтобы она убедилась, что «за личность — ее милейший сынок».

Министр внутренних дел убеждал ее уговорить сына на чистосердечное признание, надеялся, что Александр Ульянов назовет соучастников, выдаст товарищей.

Мать рассказала детям о свиданиях с Сашей, и мы знаем о них благодаря Анне Ильиничне, строкам ее воспоминаний.

Сырая Петропавловская крепость, лязганье замков в полутьме. Ввели Сашу. Арестантский халат, исхудавшее, изменившееся лицо. Он бросился к матери, обнял колени. Просил прощения: он виноват перед ней, перед Аней, перед семьей. Но не мог поступить иначе — кроме долга перед родными, есть долг перед Родиной. Долг каждого честного человека. Бороться за ее освобождение. Он старался подготовить [illegible] ожидаемой его участи и примириться с ней, [illegible] другие дети будут ей утешением...

Она заговорила [illegible] о прошении, о раскаянии. И услышала: «Не [illegible] этого... Ведь это было бы неискренне, после [illegible], что я признал на суде». Больше не убеждала, не умоляла. Это был ее сын, и по-другому он поступить не мог.

После суда и страшного приговора убитая горем Мария Александровна все еще продолжала ходить, хлопотать, обращаться ко всем, кто мог вступиться за детей — за смягчение участи Саши, за освобождение Ани. Через восемь лет Владимир Ильич, чувствуя, какая идет за ним слежка, скажет старшей сестре: в случае ареста не пускай в Питер мать, слишком тягостны будут для нее любые хлопоты и прошения — напомнят о Саше.

Для себя Мария Александровна тогда решила: если Сибирь — она поедет с Сашей, возьмет с собой младших. Да, она все еще надеялась, и все вокруг говорили: царь не может не смягчиться, ведь он остался жив! Поползли упорные слухи, что казни не будет. Как легко она поверила! И на последнем свидании с сыном в Петропавловке — не знала, что последнее, крикнула ему сквозь две решетки: «Мужайся! Мужайся!» Этим словом простилась.

...Ехала конкой на свидание к дочери. Бойкие мальчиш-

...-газетчики совали всем в руки какие-то листки. И она взяла, развернула, взглянула: «Приговор... о смертной казни через повешение... приведен в исполнении 8-го сего мая 1887 года».

Материнская сила необъяснима. Как родилось в помутившемся сознании сиюминутное, трезвое: «Не узнала бы Аня!» Не умея лгать, сказала дочери единственное в ответ на расспросы: «Молись о Саше». Когда уходила из тюрьмы, прямая, с горделивой осанкой, окаменевшим лицом, надзирательницы, которым все уже было известно, почтительно расступились.

Много позже Мария Александровна признавалась: хотелось одного — умереть. Но вдруг всплыло, возникло перед глазами круглое детское личико ласковой Маняши. У нее осталось пятеро. Она нужна им! Возвратившись в Симбирск, старалась держаться, скрывать от детей слезы, тоску. Заботилась о них, как прежде, еще больше, чем прежде...

Все так называемое симбирское общество от семьи отвернулось. Это случилось еще до казни Саши. Когда Володя кинулся искать лошадей для собравшейся в Петербург матери и попутчика, чтобы доехать до Сызрани, никто не захотел разделить с ней дороги. Стена отчуждения стала еще непроницаемей, когда она вернулась домой. Бывшие знакомые не кланялись. Остались рядом только самые верные друзья. Илья Николаевич и Мария Александровна редко ошибались в людях.

В ту страшную для семьи весну 1887 года Владимир и Ольга держали выпускные экзамены в гимназии. Гимназическое начальство не упускало случая заметить первому ученику: «Вот ведь брат у тебя какой, мы ему медаль дали, а он вон что...» Отказать в медалях средним детям Ульяновых не смогли — настолько поражали всегда преподавателей своими знаниями. Теперь поразили и другим: выдержкой, самообладанием, достоинством.

Ах, как заинтересовало обывателей объявление в газете: «Продается дом с садом, рояль и мебель. Московская улица, дом Ульяновой». Многие шли по указанному адресу лишь полюбопытствовать — посмотреть на семью повешенного преступника. Некоторые с порога пытались причитать, «сочувствовать». «Вот горе-то какое у вас...»

Мария Александровна тотчас вежливо и сдержанно останавливала: «Вам что угодно? Вы пришли что-нибудь купить?»

В июне Ульяновы простились с Симбирском. Переехали в Казань, поближе к Ане, сосланной в Кокушкино. Да и Владимиру надо учиться — столичные университеты для него закрыты, будет поступать в Казанский. Не без труда поступил — понадобились ходатайства, прошения, — а через несколько месяцев был исключен за участие в студенческом «бунте», арестован, выслан из Казани.

Казалось бы, после всего пережитого мать должна молить детей о единственном — принимать жизнь такой, как есть, не идти против утвержденного порядка. Видела, какие труды изучают Владимир, Анна, а с ними уже и Ольга, и не мог[illegible]имала их, старалась не омрачать их юности, д[illegible]кность самим выбирать путь, строить свое бу[illegible]да, на деньги, вырученные от продажи симб[illegible]ма, купила в Алакаевке, близ Самары, хутор, [illegible]аясь, что Володя увлечется сельским хозяйством — не увлекся, не для него.

Только-только стал[illegible] нал[illegible]живаться — Ольге разрешили (опять же после прошений и согласований с департаментом полиции) поступить на Высшие женские курсы, весной следующего года уехал в Петербург Владимир сдавать экзамены экстерном за юридический факультет университета, семья жила в ожидании лета: все соберутся вместе в Алакаевке, как они любили бывать вместе! И вдруг... 8 мая — роковым стало это число для семьи — 1891 года от тифа умерла Оля.

«Идти было трудно... Я осторожно вела под руку мать Оли... с другой стороны ее поддерживал Владимир Ильич, — вспоминала Ольгина подруга по Бестужевским курсам З. П. Невзорова-Кржижановская. — Она шла молча, прямая, тонкая, хрупкая, с слегка закинутой назад головой и лишь изредка из-под полуопущенных глаз скатывались скупые слезинки.

У меня сердце разрывалось от жалости. Невыносимо было хоронить Олю, чудесную девятнадцатилетнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестящие способности, милого товарища... Невыносимо было

видеть ее мать... Я знала, что один за другим падали удары на ее прекрасную седую голову... Слишком много для одного человека».

Владимир Ильич привез мать домой в Самару и, хотя только Петербург мог дать простор для его деятельности, оставался рядом с ней до осени 1893 года. Мать страдала, но, как всегда, старалась преодолеть горе заботой о семье. «Эти заботы были так удивительны, — рассказывает Анна Ильинична, — пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ее жизнь...»

В 1895 году арестовали Владимира Ильича. Больше года провел в тюрьме. Больше года невыносимо-тревожного ожидания — что будет? И конечно же, мать приехала в Петербург. Когда в феврале 1897 года узнала о приговоре — три года Восточной Сибири — тотчас засобиралась: я с ним! Не прошло и года его ссылки — арестовали Дмитрия, по делу Московского «Рабочего союза», а перед самым возвращением Владимира Ильича — Марию, уже и младшая вместе со всеми. Мать, как пуповиной связанная с детьми (и с годами эта ее связь не ослабевала), пережила 22 их ареста. И всякий раз обжигающая мысль — чем кончится арест? Сколько тюрем узнала, сколько окошечек для передач, сколько казенных дверей открыла! Считала долгом святым и полным правом материнским просить о детях. Они хорошо понимали, чего ей это стоит. Владимир Ильич писал однажды матери, что «мыкаться по разным «присутственным» местам» — дело «более неприятное, чем сидение!». Известно, как сказал ей однажды директор департамента полиции: «Можете гордиться своими детками — одного повесили, и о другом тоже плачет веревка». Она ответила с достоинством, никогда ей не изменявшим: «Да, я горжусь своими детьми!» Так могла ответить лишь мать, уверенная в благородстве дела, которому отдают жизнь ее дети.

Не было свиданий, не разрешали передач — ноги все равно несли к тюрьме. Вдруг что-нибудь узнает, услышит, вдруг увидит...

В 1901 году арестовали Марию и Марка Елизарова, мужа Анны. Анна и Владимир за границей. Дмитрий — в Юрьеве, заканчивает университет: ни в Петербурге,

ни в Москве учиться ему не разрешили. Она осталась совсем одна — в Подольске.

В 1904 году в Киеве заключили в тюрьму сразу четверых — Анну, Марию, Дмитрия, его жену Тоню. Снова одна в малознакомом городе. В ночь на 8 мая — опять 8 мая! — 1912 года в Саратове жандармы увели из дому обеих дочерей. Марка, бывшего в отъезде, сумела предупредить, иначе бы ему не миновать тюрьмы. Никогда не думала о себе — только о них!

«Дорогая моя Маруся!

Сегодня мне принесли второе письмо твое... Порадовала меня весточка от тебя, родная моя! О здоровье моем не беспокойся... (а ей было уже 77. — **Т. А.**).

Ты делаешь хорошо, что пьешь молоко... и обтираешься, только при этом надо быть осторожнее, чтобы не простудиться...»

Это в тюрьму, младшенькой. Марию Ильиничну вышлют в Вологду, и мать отправится к ней. А в Вологде снова: обыск, арест.

Биографии всех [illegible] можно проследить по полицейским документам: [illegible] что биографии — каждый шаг. Сыщики шли по пятам. Когда самодержавию станет ясна руководящая роль Ленина в революционном движении, его значение как вождя, полиция и на мать заведет дело: она наверняка в курсе жизни своих детей. Перлюстрируется вся ее переписка.

Да, она многое знает о детях. Знакома со многими их товарищами по борьбе. Научилась конспирации, понимает смысл иносказаний в письмах. Однажды в Москве уже при стуке в дверь успела сказать Марии: «Если у тебя что-то есть — дай мне», — успела спрятать важное письмо. И при личном обыске — она тоже им подвергалась — письма не нашли. В доме устроили засаду — жандармы заполнили всю квартиру, — мать, карауля дверь в комнату, помогла дочери подать из окна предупредительный знак товарищам.

Тоскуя по Владимиру Ильичу, иногда с облегчением думала, хорошо, что он за границей — что бы с ним сделали в России! Мысли о нем никогда не оставляли ее. Легкие строки из-под пера летят в Женеву: «Дорогой мой, не слишком ли много сидишь ты за работой, — это

вредно для тебя, надо больше отдыхать, гулять, не забывай этого, прошу тебя».

Редко удавалось ей увидеть всех детей вместе, и радость этих встреч после разлук была безгранична. Известна материнская грусть — дети взрослеют, удаляются. Мария Александровна, словно получая награду за мужество и мудрость, не испытала этого. Они всегда, как в детстве, прислушивались к ней, дорожили ее мнением. Мать была не просто любима, мать была им интересна.

«Книгу Бернштейна мы тотчас же принялись с Надей читать.., — пишет сын из Шушенского, — и содержание ее все больше нас поражает. Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей... Практически — оппортунизм... Вряд ли можно сомневаться в его фиаско».

Она постоянно чувствует их внимание, их трогательную заботу. Получив очередной адрес, сын всегда спрашивает, волнуясь, как устроилась, не холодная ли квартира, беспокоится, как бы мать не простудилась, просит ее непременно отдохнуть летом. Когда из-за арестов детей она оставалась одна, согревала лишь их нежность в письмах. Письмо из Мюнхена в Подольск: «Дорогая мамочка!.. Ужасно грустно было узнать, что дела наших так печальны! Милая моя, я не знаю уже, что тут и посоветовать. Не волнуйся, пожалуйста, чересчур...» Из Парижа в Саратов: «Есть ли у тебя знакомые, моя дорогая? Навещает ли кто-нибудь? Хуже и тяжелее всего в таких случаях внезапное одиночество». И в весточках от дочерей из тюрьмы: «мамочка», «голубушка», «береги себя...»

Когда после встречи в Стокгольме расставалась с сыном, как ни грустно было, благодарила, вероятно, судьбу: вот ведь какой удачный выдался год — и Володю удалось повидать и остальные пока на свободе...

Переезжали из Петрограда на дачу в Большие Юкки. Дочери очень надеялись, что на свежем воздухе матери станет лучше. Ослабла она в последнее время: дает знать о себе возраст — 81 год. Уже сложены вещи в квартире на Широкой улице, ждут извозчика. Мария Александровна сняла перчатки, села за пианино — ведь на даче не будет инструмента! — и заиграла что-то из своего любимого. Музыка тоже была ее счастьем.

В Юкках слегла. Терпеливая, не любившая никого беспокоить, попросила Аню:

— Дай мне что-нибудь, ну, облатку — ты знаешь, что — я хочу пожить еще с вами!

...Шел 1916 год. Россия была накануне решительных битв. России нужны были ее дети.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. 5-е изд. — М.: Политиздат, 1983.

Ульянов Д. И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1984.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. — М.: Политиздат, 1978.

Семья Ульяновых. — М.: Политиздат, 1985.

Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917 гг. — М.: Политиздат, 1969.

Какие книги посоветовать детям, что почитать вместе с ними.

Ульянова-Елизарова А. И. Детские и школьные годы Ильича: Воспоминания (Для младшего и школьного возраста). — М.: Детская литература, 1985.

Воскресенская З. Зимним вечером: в семье Ульяновых: Рассказы (Для дошкольного возраста). — М.: Детская литература, 1985.

Воскресенская З. Повести и рассказы о Ленине (Для среднего и старшего школьного возраста). — М.: Детская литература, 1983.

Книга содержит повести «Встреча», «Утро», «Сквозь ледяную мглу», цикл рассказов.

Прилежаева М. В доме Ульяновых: Рассказ о детстве В. И. Ленина (Для младшего школьного возраста). — М.: Малыш, 1985.

Прилежаева М. Удивительный год; Три недели покоя: Повести о В. И. Ленине (Для старшего школьного возраста). — М.: Советская Россия, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Возвращение 5
Дом 13
Дети 28
Красный клубок 39
Свет первых дней и первых лет 52
Дверь в жизнь 64
Семейное 78
Мужество 86
Рекомендуемая литература 95

Тамара Алексеевна Александрова
РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Главный отраслевой редактор В. П. Аушев
Редактор О. Г. Свердлова
Младший редактор Л. В. Михейкина
Художественный редактор П. Л. Храмцов
Художник Н. Т. Барботченко
Технический редактор И. Е. Жаворонкова
Корректор Л. В. Иванова

КБ № 8524

Сдано в набор 24.10.86. Подписано к печати 04.01.87. А-02803. Формат бумаги 70×100¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура журнально-рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,90. Усл. кр.-отт. 8,12. Уч.-изд. л. 4,78. Тираж 688 600 экз. Заказ 456. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 879202. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

15 коп.

Индекс 70062-

7-6